

Сергей Калабухин

Мой Лермонтов

Annotation

- [Сергей Калабухин](#)
 -
 - [Вступление](#)
 - [Москва, 1827–1832 г. г](#)
 - [Санкт — Петербург, 1832–1837 г. г](#)
 - [«Смерть поэта»](#)
 - [«Москва, 25 мая \[1837\]](#)
 - [Первая ссылка](#)
 - [Санкт — Петербург, 1838–1840 г. г](#)
 - [Первая дуэль](#)
 - [Вторая ссылка](#)
 - [Петербург, 1841 год](#)
 - [Вторая дуэль](#)
 - [Создание мифа](#)
 - [Заключение](#)
 - [Библиография](#)
-

Сергей Калабухин
Мой Лермонтов

Вступление

Поздний вечер, в комнате темно, и только в дальнем от окна углу тускло светится жёлтым шкала большой радиолы, да тревожно пульсирует зелёным огонёк сетевого индикатора. Рядом с высокими паучьими ножками радиолы, прямо на полу, прислонившись спиной к двери в кладовку, сидит худенький стриженный под полубокс мальчик лет двенадцати. Все его друзья давно спят, а он, как обычно, ждёт маму. Та вынуждена вкалывать на двух работах, чтобы прокормить и обеспечить всем необходимым их маленькую семью. Телевизора в комнате нет, да и мало у кого он был в то время в захолустном советском городке дальнего Подмосковья. И мальчик каждый вечер зачарованно слушает радио. На жёлтой шкале чётко выделяются написанные чёрным фантастические слова: Лондон, Париж, Рио-де-Жанейро, Мадрид, Берлин... Но мальчик слушает Москву. Идёт спектакль по пьесе Михаила Лермонтова «Маскарад».

Этим одиноким мальчиком сорок с лишним лет назад был я. До того вечера и после него мне пришлось, вернее — посчастливилось, прослушать множество радиопостановок, но «Маскарад» Лермонтова захватил меня и не отпускает до сих пор. Казалось бы: ну что мне, советскому подростку, безотцовщине и хулигану, живущему в коммуналке, до интриг давно сгинувшего высшего света имперского Петербурга времён царя Николая I? Что значит для меня, пионера, дворянская честь? Это же был совершенно иной мир, другая планета, класс бездельников и дармоедов. Но я сидел, не чувствуя холод пола, не в силах вырваться, полностью там, вместе со страдающим Арбениным.

До сих пор, когда «Маскарад» показывают по телевидению, я бросаю всё и смотрю это бессмертное произведение, хоть и знаю его уже практически наизусть. А ведь Михаилу Лермонтову было всего девятнадцать лет, когда он написал «Маскарад»! И он ни разу так и не увидел свою пьесу не только на сцене театра, но и даже напечатанной в журнале. Цензура разрешила «Маскарад» только через двадцать лет после гибели поэта. Но в детстве я, конечно, этого странного обстоятельства не знал. А когда узнал, никак не мог понять: что же такого криминального нашла в пьесе цензура? «Отелло» же Вильяма

Шекспира никто не запрещал! А там страсти кипят ничуть не меньшие.

Лишь сейчас, когда я стал вдвое старше Лермонтова, меня поразила мысль: сколь много успел сделать за свою короткую жизнь этот мальчик. И хорошего, и плохого. Он писал великолепные стихи и поэмы, что в глазах современников и потомков сделало Михаила Лермонтова преемником Александра Пушкина. Роман «Герой нашего времени» стал образцом прозы для Ивана Тургенева, Льва Толстого, Фёдора Достоевского и даже сейчас не потерял своей актуальности. Лермонтов был отличным математиком, музыкантом, художником, храбро воевал, он обладал просто фотографической памятью. Словом, природа наделила Лермонтова многими талантами.

Но в то же время этот гениальный мальчик сделал окружающим его людям и много зла. К огромному сожалению, волновавшая Александра Пушкина тема совместимости гения и злодейства в полной мере обрела наглядный пример в Михаиле Лермонтове. Можно, конечно, закрыть на сей неприятный факт глаза, даже отрицать его, как это делают многие почитатели Лермонтова и некоторые литературоведы. Более того, упорно делаются попытки обелить имя поэта, переложить вину за его гибель на окружающих и даже на царя Николая I. Мне понятно желание сделать из Лермонтова икону, но тогда почти все значимые произведения поэта утратят часть его личности, их невозможно будет понять в полной мере. Лермонтов вложил в стихи и прозу свои мысли и чувства, надежды и разочарования, огромный, несмотря на возраст, жизненный опыт.

Можно, конечно, заменить их толкованиями поклонников, отринуть всё неудобное для светлого образа поэта, «перевести стрелки» на врагов, недоброжелателей, завистников и тому подобное. Но это уже тогда будет не Лермонтов. Поэтому, если вы хотите увидеть не только внешнюю оболочку произведений Лермонтова, но и их внутреннее содержание, посыл автора, понятный его современникам, то надо не отмахиваться от неприятных фактов биографии автора, не замалчивать их, а принять Лермонтова таким, каким он был, со всеми его достоинствами и недостатками. И тогда вам откроются многие тайны и странности его произведений, например — почему прекрасную пьесу «Маскарад» не пропускала цензура. Лермонтов трижды переписывал и исправлял её, но так и не смог преодолеть барьер запрета. Что же на самом деле помешало поэту исправить пьесу? И что привело его, в

конце концов, к гибели?

Лермонтов сам отлично понимал двойственность своей натуры. Он всю свою короткую жизнь описывал и в стихах, и в прозе того Демона, что сидел внутри него. Этот Демон оградил Лермонтова от окружающих, вверг в постоянное одиночество, лишил полноценной любви и дружбы.

Многие исследователи пытаются объяснять особенности характера Лермонтова ранней утратой родителей и деспотизмом бабушки. Конечно, эти факторы сыграли свою негативную роль. Но проблема в том, что сам Лермонтов не пытался побороть сидящего в нём Демона. Наоборот, он старательно и любовно взращивал его, гордился своей исключительностью, всегда считал себя выше окружающих. И не только считал, но и постоянно демонстрировал, что и оттолкнуло от него не только потенциальных друзей, но и ближайших товарищей. Вспомните хотя бы взаимоотношения Печорина, в образ которого Лермонтов вложил многие свои черты, и Максим Максимыча.

И нарождающуюся любовь к какой-либо женщине Лермонтов гасил в себе сам. Он говорил, что любовь не вечна, она всё равно пройдёт, так зачем же напрасно мучиться? А влюблялся Лермонтов постоянно! В первый раз это с ним случилось в десятилетнем возрасте, а в последний — перед дуэлью с Николаем Мартыновым. Мишель коллекционировал девичьи интимные предметы, и в кармане мундира мёртвого Лермонтова нашли окровавленное бандо Катеньки Быховец, его последней возлюбленной.

Ю. П. Лермонтов

Но, не давая любви другим, сам Мишель страстно хотел быть любимым. Однако, природа, наградив Лермонтова многими талантами, при этом снабдила неказистой внешностью. Мишель рос, регулярно влюблялся, а в ответ получал от девушек только насмешки. Женщины не воспринимали Лермонтова как мужчину, тем более, что внутренний Демон его не дремал, побуждая Мишеля к язвительным шуточкам и эпиграммам в адрес окружающих, в том числе и девушек. Лермонтов не знал меры и не щадил никого. А ведь отец его пророчески предупреждал в своём завещании:

«Хотя ты ещё и в юных летах, но я вижу, что ты одарён способностями ума, — не пренебрегай ими и всего более страшись

употреблять оные за что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчёт Богу!.. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце, — не ожесточай его даже и самую несправедливостью и неблагодарностью людей, ибо с ожесточением ты сам впадёшь в презируемые тобою пороки. Верь, что истинная нелицемерная любовь к Богу и ближнему есть единственное средство жить и умереть покойно».

Жаль, что Лермонтов не последовал совету отца и направил свой талант на зло: оскорбительные выходки, шаржи, эпиграммы и карикатуры в адрес окружающих людей, что и привело его к гибели. Как это произошло? Постепенно, но неуклонно.

Москва, 1827–1832 г. г

Е. А. Арсеньева — бабушка М. Ю. Лермонтова

Опустим подконтрольное детство, начнём с периода вступления Лермонтова в более–менее самостоятельную жизнь. Осенью 1827 года они с бабушкой переехали из Тархан в Москву, чтобы подготовить Мишеля к поступлению в Московский благородный университетский пансион. Домашние учителя и так неплохо обучили Лермонтова, но учитывая, что Мишель должен был поступать сразу в четвёртый класс, заботливая бабушка подстраховалась перед экзаменом и наняла внуку в репетиторы Алексея Зиновьевича Зиновьева, работавшего в самом пансионе в должности надзирателя и учителя русского и латинского языков.

Михаил Лермонтов поступил в пансион в 1828 году, но бабушка определила его полупансионером, то есть после занятий слуги отвозили Мишеля домой. Зиновьев оставался наставником Лермонтова и в пансионе. Таким образом, Мишель продолжал быть под тотальным контролем бабушки.

Обучение в пансионе было шестилетним, каждому ученику составляли индивидуальную программу, развивающую его способности в выгодном направлении. Однако Лермонтов поступил сразу в четвёртый класс и, учитывая выдающиеся математические способности Мишеля, его записали в группу математиков профессора Перевощикова.

Учиться Лермонтов не любил. Ещё в детстве, в Тарханах, бабушка наняла ему трёх учителей: немку, француза и грека, но Мишелю грек не понравился, и того уволили. Вот и в пансионе, если лекция Лермонтову была не интересна, он демонстративно доставал книгу и читал, не опасаясь наказания. Подобное поведение — ни что иное как явное пренебрежение к педагогу и товарищам по учёбе. Не случайно один из пансионеров, А. М. Миклашевский, позже вспоминал:

«Всем нам товарищи давали разные прозвища. В памяти у меня сохранилось, что Лермонтова, не знаю почему, — прозвали лягушкою. Вообще, как помнится, его товарищи не любили, и он ко многим приставал».

Заметьте, уже тогда Лермонтов «ко многим приставал», за что его не любили соученики! Мишель не желал подчиняться никаким

правилам или авторитетам и признавал над собой власть только одного человека — бабушки, всегда, везде и ото всех защищавшей любимого внука. Не удивительно, что за почти два года, проведённых в пансионе, Лермонтов так ни с кем там и не подружился.

В Тарханах юный Мишель довольствовался только крепостным театром и кулачными боями, читал французские, немецкие и английские романы, стихи, пьесы, много рисовал и лепил. Русские книги и журналы, видимо, бабушка не выписывала, полностью доверив обучение внука гувернёрам-иностранцам. Однако в пансионе «для большей изощренности ума и образования вкуса» все без исключения ученики занимались русским языком и литературой. Здесь впервые Лермонтов начал сам писать стихи. При этом он щедро заимствовал образы и сюжеты, в том числе и целые строки из полюбившихся ему произведений Шиллера, Гёте, Байрона или Гейне. Одновременно Мишель познакомился с произведениями русских поэтов и писателей и даже однажды посетовал, что у него в детстве не было русской няни, как у Пушкина, и потому мимо прошёл целый пласт отечественной народной культуры — русских сказок и песен.

11 марта 1830 года в пансионе без предупреждения и охраны появился находившийся в Москве император Николай I. Царя в коридорах и классах пансиона никто из учащихся не узнал, хотя его портрет наверняка висел где-нибудь на видном месте. Всех учащихся собрали в актовом зале, и оскорблённый император упрекнул пансионеров и педагогов в излишней вольности и недисциплинированности. Вернувшись в столицу, Николай I распорядился преобразовать Благородный пансион в обычную гимназию, и бабушка уже в апреле 1830 года забрала Мишеля из этого учреждения, в котором теперь стали возможны телесные наказания, не дожидаясь порки своего строптивого внука. Поэтому пансион, не говоря уже про гимназию, Михаил Лермонтов так и не закончил.

Но уже 21 августа 1830 года он поступил в Московский университет на нравственнополитическое отделение, и это явно свидетельствует о том, что Мишель в то время не относился к своим опытам в поэзии всерьёз. Он же занимался стихосложением менее двух лет в отличие от рисования, например. Лишь позднее Лермонтов перешёл на словесное отделение. Вместе с ним учились такие известные

в будущем писатели как Александр Герцен, Виссарион Белинский, Константин Аксаков и Иван Гончаров.

В университете существовали студенческие кружки Станкевича и Герцена, в которых собирались любители литературы, философии, политики и истории. Однако Михаил Лермонтов вёл себя так же, как и в пансионе: на лекциях если и бывал, то демонстративно сидел и читал книгу, товарищей чуждался, ни к каким кружкам — ни западников, ни славянофилов — не примыкал. Как вспоминал его сокурсник П. Ф. Вистенгоф:

«Видимо было, что Лермонтов имел грубый, дерзкий, заносчивый характер, смотрел с пренебрежением на окружающих. Считал их всех ниже себя.

Иногда в аудитории нашей, в свободные от лекций часы, студенты громко вели между собой оживлённые суждения о современных интересных вопросах. Некоторые увлекались, возвышая голос. Лермонтов иногда отрывался от своего чтения, взглядывал на ораторствующего, но как взглядывал! Говоривший невольно конфузился, умалял свой экстаз или совсем умолкал. Ядовитость во взгляде Лермонтова была поразительна. Сколько презрения, насмешки и вместе с тем сожаления изображалось тогда на его строгом лице».

Точно так же высокомерно Мишель вёл себя и с преподавателями. Тот же Вистенгоф вспоминал:

«Профессор Победоносцев, читавший изящную словесность, задал Лермонтову какой-то вопрос.

Лермонтов начал бойко и с уверенностью отвечать. Профессор сначала слушал его, а потом остановил и сказал:

— Я вам этого не читал; я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

— Это правда, господин профессор, того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабжённой всем современным.

Мы все переглянулись.

Подобный ответ дан был и адъюнкт-профессору Гастеву,

читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обиделись и постарались срезать Лермонтова на публичных экзаменах».

Единственное, что Лермонтов посещал с удовольствием — это занятия профессора Гарвея, посвященные Байрону и английской литературе, а также лекции историка Погодина. Остальные преподаватели его не интересовали, чего он даже не скрывал, и подобное поведение привело к тому, что Лермонтов не был аттестован ни одним из профессоров. Как правило, против его фамилии стояла надпись «отсутствовал». И в результате по итогам года Лермонтову «посоветовали уйти». Даже всемогущая бабушка была тут бессильна.

Мишель не сумел или не захотел обуздать своего Демона, а ведь мог бы уже тогда завести столь необходимые ему знакомства и связи в литературных и издательских кругах. Профессор Погодин, к примеру, был издателем «Московского вестника», а Каченовский издавал «Вестник Европы». Но Лермонтов предпочитал писать стихи для собственного удовольствия и для развлечения девушек, которые интересовали его гораздо больше учёбы. И это понятно, учитывая возраст Мишеля.

Во время учёбы в Москве, Лермонтов общался практически только с родственниками и ближайшими соседями по имению Столыпиных в Середниково, в котором он часто бывал. И все девушки, в которых Мишель влюблялся, были из этой весьма ограниченной среды. Они приезжали с родителями в гости в Середниково или жили по соседству. Там же, в имении бабушки, Лермонтов познакомился летом 1830 года с Катенькой Сушковой и с Варенькой Лопухиной. Произведения Лермонтова того периода дошли до нас благодаря девушкам: Мишель писал стихи в их альбомах, в письмах к ним, дарил варианты поэм. Не всё, конечно, сохранилось, по разным причинам многие стихотворения были уничтожены самими девушками или их ревнивыми мужьями. Так поступили, например, мужья Натальи Ивановой и Варвары Лопухиной.

Однако все влюблённости Мишеля не встречали взаимности. Во-первых, Лермонтов был внешне неказист и даже страдал небольшой горбатостью, за что позднее, в юнкерской школе, он получит прозвище «Маёшка» — по имени горбатого, но умного героя одного из французских шутовских романов. Во-вторых, Демон Лермонтова

постоянно давал о себе знать, заставляя Мишеля насмехаться даже над теми, в кого он был влюблён. Вот цитата из воспоминаний Екатерины Сушковой:

«Всякий вечер после чтения затевали игры, но не шумные, чтобы не беспокоить бабушку. Тут-то отличался Лермонтов. Один раз он предложил нам сказать всякому из присутствующих, в стихах или в прозе, что-нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова был всегда злой ум и резкий язык, и мы хотя с трепетом, но согласились выслушать его приговоры».

Этот злой ум и резкий язык доведут, в конце концов, Михаила Лермонтова до роковой дуэли и гибели. Вот и на том вечере, и после него Мишель зачем-то постарается обидеть и оскорбить всех, в том числе и предмет своей любви — Катеньку Сушкову. Какая уж тут может быть взаимная любовь? И Сушкова заканчивает описание того вечера такими словами:

«Из всех поступков Лермонтова видно, как голова его была набита романическими идеями, и как рано было развито в нём желание попасть в герои и губители сердец. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться».

Словом, Лермонтова в Москве преследовали несчастья: он не окончил пансион, его практически выгнали из университета, умер отец, любовь юного Мишеля по очереди отвергли три красавицы: Наталья Иванова, Варвара Лопухина и Екатерина Сушкова. Зато по законам диалектики в жизни Лермонтова появилось новое и весьма значительное явление — он стал писать стихи и прозу.

Однако нужно было решать, что делать дальше? Наверно, бабушка (а кто же ещё?) предложила внуку перейти в Санкт — Петербургский университет. Мишель согласился, хотя к тому времени наверняка уже понял, что учёба его совершенно не прельщает. Но отказать в чём-либо бабушке он не мог.

Санкт — Петербург, 1832–1837 г. г

И Лермонтов поехал в столицу, но, к удивлению всех, поступил не в университет, а в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров! До сих пор никто не может понять этого поступка, ведь Лермонтов никогда не признавал никакой (кроме бабушкиной) власти над собой, не знал, что такое дисциплина и наказание за проступок. И вдруг — военная школа! Невероятно!

Мне кажется, объяснение есть. В это время Лермонтов в очередной раз влюблён. В Катеньку Сушкову. Но девушка, как и все предыдущие, не видит в Мишеле мужчину. И однажды меж ними произошёл диалог, который сама Сушкова воспроизвела в своём дневнике:

«— Кстати о мазурке, будете ли вы её танцевать завтра со мной у тётушки Хитровой?»

— С вами? Боже меня сохрани, я слишком стара для вас, да к тому же на все длинные танцы у меня есть петербургский кавалер.

— Он должен быть умён и мил.

— Ну, точно смертный грех.

— Разговорчив?

— Да, имеет большой навык извиняться, в каждом туре оборвёт мне платье шпорами или наступит на ноги.

— Не умеет ни говорить, ни танцевать; стало быть, он тронул вас своими вздохами, страстными взглядами?

— Он так кос, что не знаешь, куда он глядит, и пыхтит на всю залу.

— За что же ваше предпочтение? Он богат?

— Я об этом не справлялась, я его давно знаю, но в Петербурге я с ним ни разу не танцевала, здесь другое дело, он конногвардеец, а не студент и не архивец.

И в самом деле, я имела невероятную глупость прозевать с этим конногвардейцем десять мазурок кряду для того только, чтобы мне позавидовали московские барышни. Известно, как они дорожат нашими гвардейцами».

Думаю, Лермонтов понял, что даже тупица и урод, облачённый в военный мундир, более привлекателен для женщин, чем гений в штатском. Собственно, и поныне это женское предпочтение существует,

и ничуть не изменилось.

Конечно, пребывание в военной школе весьма сильно повлияло на Лермонтова. Он впервые вырвался из-под плотной опеки бабушки и был вынужден жить в коллективе. А коллектив не любит одиночек, он всегда объединяется против них, превращает в предмет насмешек и травли. В каждом коллективе обязательно есть вожак, которому стараются подражать, и есть козёл отпущения, над которым издеваются. Лермонтов предпочёл первое. Но физические данные его подвели. Он упал с лошади и повредил ногу, получив вдобавок к малому росту и некрасивой внешности хромоту. Но Мишель упорно занимался, стрелял из пистолета, фехтовал на шпагах и саблях. Причём, его постоянным партнёром и соперником был Николай Мартынов, высокий красавец, поступивший в школу юнкеров на год позже Лермонтова. Вот так вот распорядилась судьба.

Николай Мартынов

Как известно, чтобы стать хорошим бойцом, нужно тренироваться с сильным противником: слабый ничему тебя не научит. Так что во время роковой дуэли сойдутся практически равные противники, а не «боевой офицер Лермонтов» и «трусливая тыловая крыса Мартынов», как утверждают многие поклонники поэта. Эти горе-защитники не понимают, что принижая и оскорбляя Мартынова, они тем самым унижают самого Лермонтова. Лермонтов и Мартынов были друзьями до самого конца и обращались друг к другу на «ты». Мишель часто бывал

в доме Мартыновых и даже одно время ухаживал за одной из сестёр Николая, которую позднее вывел в своём романе «Герой нашего времени» в образе княжны Мэри.

Соперничали друзья и в поэзии. В школе юнкеров издавался рукописный журнал «Школьная заря», основными авторами которого были именно Михаил Лермонтов и Николай Мартынов. Я не знаю, что именно писал тогда Мартынов, так как ни один из семи номеров этого журнала не сохранился, но вот некоторые порнографические вирши Лермонтова дошли до наших дней.

Юный Лермонтов вынужден был принимать участие в грубых развлечениях юнкеров, чтобы не стать той самой «белой вороной», которую легко окружающие превращают в предмет насмешек, и это убило в Мишеле прежний романтизм, сделав из него циничного реалиста. Лермонтов больше не подражает Байрону или Шиллеру, не заимствует чужие сюжеты, образы и целые строки, как ранее. Теперь он полностью черпает всё необходимое в окружающей его жизни и в шутливо–оскорбительной форме описывает поступки своих товарищей по школе, зачастую даже не маскируя их имена псевдонимами. И это не прибавляет ему друзей, наоборот. Ведь Лермонтов натуралистично, с излишними подробностями, просто порнографически изображает сексуальные приключения юнкеров. Тут есть и гомосексуальные сцены, и изнасилование старушки, и безобразная групповуха.

Для некоторых юнкеров вирши Лермонтова в дальнейшем обернулись большими проблемами. К примеру, главным героем поэмы «Гошпиталь» являлся князь Александр Иванович Барятинский, и после окончания школы юнкеров ему пришлось серьёзно задуматься над поправлением своей пошатнувшейся репутации. Князь изъявил желание ехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев. Позднее он стал наместником Кавказа, фельдмаршалом, приближённым лицом императора. Но то, как его изобразил в своих виршах Лермонтов, князь поэту не простил, и когда через много лет после смерти поэта его первый биограф П. А. Висковатый обратился к Барятинскому за воспоминаниями, то услышал в ответ только ругательства:

«...он называл его самым «безнравственным человеком» и «посредственным подражателем Байрона» и удивлялся, как можно им интересоваться до собирания материалов для его биографии».

Вот так вот Мишель походя превращал своих товарищей и друзей во врагов на всю жизнь. Исключением не являлись даже женщины.

Лермонтов в ментике лейб-гвардии Гусарского полка. Картина Петра Заболотского (1837)

Офицерский мундир вполне оправдал ожидания Лермонтова — девушки стали воспринимать его как мужчину и завидного жениха. И когда в 1834 году Екатерина Сушкова приехала в Петербург, чтобы выйти замуж за Алексея Лопухина, Мишель поспешил предстать перед ней в новом образе. Вот как вспоминала об этой встрече Сушкова:

«Мишель уже подбежал ко мне, восхищённый, обрадованный этой встречей, и сказал мне:

— Я знал, что вы будете здесь, караулил вас у дверей, чтоб первому ангажировать вас.

Я обещала ему две кадрили и мазурку, обрадовалась ему, как умному человеку, а ещё более как другу Лопухина. Лопухин был моей первенствующей мыслью. Я не видала Лермонтова с 30-го года; он почти не переменился в эти четыре года, возмужал немного, но не вырос и не похорошел и почти всё такой же был неловкий и неуклюжий, но глаза его смотрели с большею уверенностью, нельзя было не смутиться, когда он устремлял их с какой-то неподвижностью.

— Меня только на днях произвели в офицеры, — сказал он, — я поспешил похвастаться перед вами моим гусарским мундиром и моими эполетами; они дают мне право танцевать с вами мазурку; видите ли, как я злопамятен, я не забыл косого конногвардейца, оттого в юнкерском мундире я избегал случая встречать вас; помню, как жестоко вы обращались со мной, когда я носил студенческую курточку».

Екатерина Сушкова

И Мишель жестоко отомстил Екатерине Сушковой. Без малейших колебаний он совершил подлый поступок: отбил невесту у Алексея Лопухина, но сам жениться на ней не стал! Использовал при этом самые грязные и подлые методы: всячески чернил невесту в глазах жениха, а жениха — в глазах невесты. Лермонтов даже угрожал покончить жизнь самоубийством или вызвать Лопухина на дуэль, если Катенька не отвергнет «богатого и красивого, но глупого и пустого» жениха, согласившись выйти замуж за «бедного и некрасивого, но искренне любящего её» Мишеля. Лермонтов не пощадил ни чувств друга, ни чести девушки, которую некогда боготворил. И ради чего? Он сам откровенно признался:

«Если я начал за нею ухаживать, это не было отзывом прошлого. Сначала это было оказией развлечь себя, а потом, когда мы достигли доброго согласия, это стало расчётом... Я увидел, что если мне удастся занять собою одну женщину, другие незаметно тоже займутся мною, сначала из любопытства, потом из соперничества... Теперь я не пишу романов — я их делаю. Итак, вы

видите, что я хорошо отомстил за слёзы, которые кокетство m-lle S. заставило меня пролить 5 лет назад; о! но мы всё-таки ещё не рассчитались; она заставила страдать сердце ребёнка, а я только помучил самолюбие старой кокетки...»

Евдокия Ростопчина — художник Г. Кордик, 1846

Но для окружающих, и в первую очередь для Алексея Лопухина, Лермонтов озвучивает совершенно иную версию своего поступка. Он, якобы, пошёл на него, чтобы спасти друга от женитьбы на кокетке. Да, Сушкова собиралась выйти замуж по расчёту. Она была красива, но бедна, и брак с молодым, богатым и, к тому же, внешне привлекательным Алексеем Лопухиным был для неё более чем желателен. Алексей же, видимо, всерьёз был влюблён в Екатерину, раз решил жениться на ней, и Лермонтов не мог не знать этого. Мишель из ревности и ребяческой мести разрушил желательный для обеих сторон брак, ослабил девушку, и поэтому в дальнейшем у Сушковых ему было

отказано от дома. Но месть Лермонтова на этом не закончилась: позднее он сделал Катеньку Сушкову прототипом мало приятной Лизаветы Николаевны Негуровой в своей повести «Княгиня Лиговская», в которой беспощадно высмеял её светские и любовные победы.

Однако обмануть окружающих и выдать подлость за спасение друга Лермонтову не удалось, так как он не смог удержаться от повторения своего «подвига» с другими девушками. Евдокия Ростопчина написала в одном из своих писем Александру Дюма о Лермонтове следующее:

«Весёлая холостая жизнь не препятствовала ему посещать общество, где он забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покидать и оставлять в тщётном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюблённого в продолжение нескольких дней; всем этим, как казалось, он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность. Мне случалось слышать признания нескольких из его жертв, и я не могла удерживаться от смеха, даже прямо в лицо, при виде слёз моих подруг, не могла не смеяться над оригинальными и комическими развязками, которые он давал своим злодейским донжуанским подвигам. Помню один раз, он, забавы ради, решился заместить богатого жениха, и когда все считали уже Лермонтова готовым занять его место, родные невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором их уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нём ужасы. Это письмо написал он сам и затем уже более в этот дом не являлся».

Как и Барятинский, Лопухин не стал устраивать Лермонтову скандал, но, видимо, тоже затаил на «друга» Мишеля обиду, последствия которой проявятся позднее. Но не будем забежать вперёд.

Гусарский полк, в котором служил Лермонтов, стоял в Царском Селе. Офицеры, конечно, присутствовали на всех дежурствах, нарядах, смотрах и парадах, но всё свободное время проводили в Петербурге. Когда в каком-нибудь столичном театре давали премьеру, полковое начальство переносило собственное мероприятие, чтобы офицеры

смогли посетить представление и не торопились в полк. Но, несмотря на столь свободные порядки, военная служба Лермонтову не нравится. Он хочет пробиться в высший свет Петербурга, посещать лучшие дома. Однако в приличный дом невозможно прийти просто так: нужны приглашение или рекомендация уважаемого человека. А скандальная слава Лермонтова бежит впереди него, ведь тот в личном общении успешно наживает себе врагов, не щадя даже друзей и возлюбленных. Надо как-то исправлять репутацию. Но как?

Кроме балов и приёмов в Петербурге есть и иные центры притяжения сливок общества — литературные салоны. Лермонтовым к этому времени написаны уже сотни стихотворений и несколько поэм. Почему бы не воспользоваться ими? Поэт решительно оставил позади и юношеский романтизм, и юнкерскую порнографию. Он вступил в третий период своего творчества — реализм. Теперь Мишель описывает в стихах то, что происходит с ним самим или окружающими его людьми. Однако вырвавшиеся за пределы школы нецензурные юнкерские вирши ходят в рукописных списках, и это закрывает Лермонтову не только двери в приличные дома, но и в редакции литературных журналов. По словам первого биографа поэта Павла Висковатого уважаемые люди не понимали, как поэт с дурной репутацией «барковщины» «смел выходить в свет со своими творениями». И читателями новых стихотворений Лермонтова по-прежнему остаются лишь его друзья и родственники. Словом, отрезав себя ранее от литературных кругов, Лермонтов теперь не может напечатать свои стихи в журналах. Он по-прежнему пишет их в альбомах знакомых девушек, цитирует в письмах, дарит знакомым и даже слугам. Некоторые стихотворения Лермонтова дошли до нас только в переводах на французский и немецкий языки, их оригиналы на русском до сих пор не найдены.

Чтобы пробить стену неизвестности, Лермонтов решает сделать ставку на театр. Он пишет ту самую пьесу, которую я имел счастье услышать по радио в детстве. Но цензура нарушила расчеты Лермонтова, запретив постановку «Маскарада» в театре. Почему? Да потому что не желала скандала! Ведь, чтобы сразу привлечь к себе внимание публики, Лермонтов взял сюжет из жизни, причём случай недавний и хорошо известный в кругах петербургского высшего света.

Но одно дело — рукописный самиздат юнкеров, и совершенно иное — сцена столичного театра. Лермонтов трижды безуспешно переписывает «Маскарад», пытаясь обмануть цензуру. Однако он не желает отказываться от ставки на скандал. Свидетельством этого является тот факт, что Лермонтов упорно оставляет в одной из сцен «опечатку» — настоящее имя несчастной женщины, убитой ревнивым мужем. Поэт, обладавший феноменальной памятью и наблюдательностью и старательно работавший над текстом, только умышленно мог не замечать подобной «ошибки».

Лермонтов был отнюдь не глуп, так зачем же он столь явно пытался «насыпать соль на рану» вполне конкретным людям из высшего общества Петербурга? Одним плохим характером объяснить подобное невозможно. Вот почему я считаю, что Лермонтов хотел быстро прославиться на скандале, и таким вот способом сделать своё имя известным в театральных и литературных кругах Петербурга. Подобный метод используется и поныне, ведь, как цинично заявляют его приверженцы: «Чёрный пиар — это тоже пиар». Но цензура в данном случае сработала вполне профессионально, и «Маскарад» был поставлен на сцене театра только через двадцать лет после смерти автора, когда, видимо, прообразы главных персонажей пьесы и скандал, связанный с ними, уже мало кого волновали.

Таким образом, с театром у Лермонтова тоже ничего не вышло, и он написал в письме Марии Лопухиной, что ждёт «случая», который может судьбой представиться, только хватило бы ему смелости им воспользоваться. И такой случай, действительно, вскоре произошёл. Мишель не упустил его и использовал в полной мере. Даже перестарался. Я имею в виду, конечно, смерть Александра Сергеевича Пушкина.

«Смерть поэта»

Многие поэты, знаменитые и не очень, написали тогда стихи на эту тему: П. А. Вяземский, А. В. Кольцов, Е. А. Баратынский, Ф. Н. Глинка, М. Ф. Ахундов, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, А. И. Полежаев, Н. П. Огарёв. Нам сейчас говорят, что именно стихотворение Лермонтова вызвало всеобщее восхищение. Но это, мягко говоря, не совсем так — кто в то время мог его прочесть? Только друзья и знакомые Мишеля. У его именитых конкурентов аудитория была значительно шире. И даже не все знакомые Лермонтова пришли в восторг от его стихотворения, ведь Мишель не знал всех подробностей конфликта, приведших к дуэли Пушкина с Дантесом, и в первом варианте текста просто требовал наказания для офицера–иностранца за покушение на жизнь знаменитого русского поэта. Пушкин был ещё жив, хоть и тяжело ранен. Недаром тексту стихотворения предшествовал эпиграф, взятый из трагедии Ж. Ротру «Венцеслав» — *«Отмищенья, государь, отмищенья!»*. Собственно, того же требовали и другие поэты, не говоря уже о поклонниках Пушкина, так что стихотворение никому не известного корнета Лермонтова не вызвало ни широкого распространения, ни того ажиотажа, которые ему сейчас приписывают литературоведы. К тому же оно довольно небрежно написано. Судите сами по данному отрывку:

«И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сражённый, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил **он** в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем **он** руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил **он** словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..»

Как сейчас сказали бы — сплошной «оназм»! Причём, «**он**» употреблено Лермонтовым и к убийце, и к жертве, да ещё в соседних строках.

Однако даже после того, как почитаемый Лермонтовым Пушкин умер от полученной на дуэли раны, Дантеса в высших кругах петербургского света мало кто считал виновным в его смерти. Родственник самого Лермонтова, камер-юнкер Николай Аркадьевич Столыпин, посетивший заболевшего в то время Мишеля, сказал, прочитав его стихотворение, что не надо так нападать на Дантеса, защищавшего свою честь, так как Пушкин сам во многом виноват. К тому же Дантес — иностранец и русскому суду не подвластен. Лермонтов, разозлившись, ответил, что русский человек простил бы любую обиду со стороны Пушкина. Вот это роковое мнение, что таланту, а тем более — гению, позволено всё, что запрещено простому человеку, погубило в дальнейшем множество судеб и жизней, в том числе привело к гибели и самого Михаила Лермонтова. Николай Столыпин не был сторонником данного мнения и попытался объяснить Мишелю всю пагубность несоблюдения правил и законов. В ответ разозлившийся Лермонтов заявил, что не хочет общаться с врагами Пушкина и практически выгнал Николая Столыпина.

Не теряя запала, Мишель немедленно дописал к концу стихотворения на смерть Пушкина новые шестнадцать строк, оскорбительных для царя и его ближайшего окружения:

«А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,

Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!»

Именно эти строки, а не первый вариант стихотворения, вызвали тот небывалый скандал в высшем свете, сделавший мало кому известного корнета Лермонтова знаменитым в Петербурге поэтом. Подчёркиваю: знаменитым именно и только в Петербурге, а не во всей России, как нас пытаются убедить литературоведы!

Живший в то время на одной квартире с Лермонтовым Святослав Раевский пришёл в восторг от нового варианта стихотворения, переписал его набело и стал распространять среди друзей и знакомых. Конечно же, с разрешения самого Михаила Лермонтова. Мог ли Мишель не понимать, какой резонанс вызовет новый вариант стихотворения, разрешая широко распространить его? Думаю, Лермонтов прекрасно всё осознавал. Он только не ожидал, что скандал дойдёт до самого царя. Ведь ранее, в Москве, кроме любовных признаний трём красавицам, Мишель написал и стихотворение «Новгород», настроенное против тирана Аракчеева, и сатиру в адрес королей, и два радикальных стихотворения, посвящённых Июльской революции во Франции, и даже вот эти крамольные строки, тоже не вызвавшие никаких негативных для автора последствий:

«Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...»

Но столичный Петербург не захоластная Москва, и если первый вариант стихотворения Лермонтова на смерть Пушкина мало кого заинтересовал, то второй быстро дошёл до самого графа А.Х. Бенкендорфа, начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шефа Корпуса жандармов. Граф, добрый знакомый бабушки поэта и других Столыпинах, сначала хотел замять это дело, но Раевский к тому времени уж слишком хорошо постарался распространить стихотворение как можно шире. Многие представители царского двора были возмущены. Одна из светских дам, А. М. Хитрова, стала допытываться у Бенкендорфа о его отношении к подобному оскорблению придворной аристократии, и граф вынужден был донести обо всём императору, но опоздал — тот уже от кого-то узнал об этом **«воззвании к революции»**. Резолюция Николая I на докладной записке Бенкендорфа гласила:

«Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся ещё другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

Когда Мишеля вдруг вызвали на допрос, он понял, что всемогущая бабушка на этот раз его не спасёт, испугался и немедленно предал своего друга, Святослава Раевского, одновременно постаравшись всячески обелить себя. Вот его показания:

«Я был ещё болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли её и ко мне, обезображенную разными прибавлениями; одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшей печалью, какими мелкими мучениями и насмешками он долго был преследуем и, наконец, принуждён сделать шаг, противный законам земным и небесным, защищая честь своей жены в глазах строгого света. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком, говорили, что Пушкин не имел права требовать любви от жены своей, потому что был ревнив, дурён собою — они говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее...

Не имея, может быть, возможности защищать нравственную

сторону его характера, никто не отвечал на эти последние обвинения. Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые напали на человека, уже сражѣнного рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого; — и врождѣнное чувство в душе неопытной, защищать всякого невинно осуждаемого, зашевелилось во мне ещё сильнее по причине болезни раздражѣнных нерв. Когда я стал спрашивать, на каких основаниях так громко они восстают против убитого, — мне отвечали: вероятно, чтоб придать себе более весу, что весь высший круг общества такого же мнения.

Я удивился — надо мною смеялись. Наконец, после двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер; вместе с этим известием пришло другое — утешительное для сердца русского: государь император, несмотря на его прежние заблуждения, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила первого в моём воображении и очернила ещё более несправедливость последнего. Я был твёрдо уверен, что сановники государственные разделяли благородные и милостливые чувства императора, Богом данного защитника всем угнетѣнным; но тем не менее я слышал, что некоторые люди, единственно по родственным связям или вследствие искательства, принадлежащие к высшему кругу и пользующиеся заслугами своих достойных родственников, — некоторые не переставали омрачать память убитого и рассеивать разные невыгодные для него слухи. Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, преувеличенными, неправильными словами выразил нестройное столкновение мыслей, не полагая, что написал нечто предосудительное, что многие ошибочно могут принять на свой счёт выражения вовсе не для них назначенные. Этот опыт был первый и последний в этом роде, вредном (как и прежде мыслил и мыслю) для других ещё более, чем для себя.

Но если мне нет оправдания, то молодость и пылкость послужат хотя объяснением, ибо в эту минуту страсть была сильнее холодного рассудка. Прежде я писал разные мелочи, быть может ещё хранящиеся у некоторых моих знакомых. Одна

восточная повесть, под названием «Хаджи — Абрек», была мною помещена в «Библиотеке для чтения», а драма «Маскарад», в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель не достаточно награждена. Когда я написал стихи мои на смерть Пушкина (что, к несчастью, я сделал слишком скоро), то один мой хороший приятель Раевский, слышавший, как и я, многие неправильные обвинения, и по необдуманности, не видя в стихах моих противного законам, просил у меня их списать; вероятно, он показал их, как новость, другому — и таким образом они разошлись. Я ещё не выезжал и потому не мог вскоре узнать впечатления произведённого ими, не мог вовремя их возвратить назад и сжечь. Сам я их никому больше не давал, но отречься от них, хотя постиг свою необдуманность, я не мог: правда всегда была моей святыней, — и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твёрдостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим.

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка, Михаил Лермонтов».

Читать эти показания лично мне было не только неприятно, но даже противно. Лермонтов кается в своём проступке, ссылается в оправдание на болезнь, без малейших колебаний называет имя Раевского как первого и главного распространителя крамольного стихотворения. Нет, Лермонтов не был трусом, что вскоре докажут его военные подвиги. Он испугался не за жизнь, а за карьеру, боялся лишиться привычных с детства удобств и привилегий. Точно так же он предал когда-то предоставившего ему выбор отца, предпочтя остаться с богатой и влиятельной бабушкой. Мишель хотел быть в глазах окружающих представителем знатного и богатого рода Столыпиных, а не сыном никому не известного бедного офицера. Одно время у него была надежда, что он потомок знаменитого испанского герцога Лерма, но — не сбылось. Иметь же в предках какого-то нищего по российским меркам шотландского искателя приключений — что тут хорошего? Чем, собственно, шотландец Лермонт отличается от презираемого Мишелем француза Дантеса?

Вот и теперь перед Лермонтовым встал вопрос: ради чего он

должен лишиться привычного комфорта? Мишель ни дня не прожил в московском пансионате, даже из юнкерской школы и летних лагерей в Царском Селе бабушка, используя своё влияние, часто забирала внука вечером домой, сняв квартиру рядом. Став офицером, Лермонтов предпочёл жить в Петербурге, являясь в свой царскосельский полк только для участия в обязательных служебных мероприятиях. По сравнению с другими офицерами Мишель просто купался в деньгах: вдобавок к ежемесячному жалованью, составлявшему чуть более двухсот рублей, он ещё и от бабушки получал за год более десяти тысяч. Словом, Лермонтов предпочёл пожертвовать другом, но сохранить офицерское звание и привычный достаток. Судьба и жизнь простого солдата его не устраивали. Позднее Лермонтов написал сосланному в Петрозаводск Святославу Раевскому:

«Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что стал виной твоего несчастья. Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет и что если я запрусь, то меня в солдаты... Я вспомнил бабушку... и не смог... Я тебя принёс в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать, но я уверен, что ты меня понимаешь и прощаешь и находишь ещё достойным своей дружбы...»

27 февраля 1837 г.»

Как видно из этого письма, Лермонтов и в этом случае снимает с себя вину за совершённую подлость. Если ранее, отбивая невесту у Лопухина, он якобы спасал того от женитьбы на «кокотке», то теперь, предавая Раевского, Мишель просто не хотел расстраивать бабушку! Так что, как говорится, из двух зол Лермонтов вроде бы выбирал, на его взгляд, меньшее, выставляя себя жертвой сложившихся обстоятельств. Но лично меня его объяснения не убеждают, к сожалению.

27 февраля 1837 года, в тот же день, когда Мишель написал вышеприведенное письмо Раевскому, определилось, наконец, и его наказание: был подписан приказ о переводе лейб-гвардии корнета Михаила Лермонтова тем же чином в Нижегородский драгунский полк, воюющий на Кавказе. Вернее, не воюющий, а находящийся в зоне, где уже давно нет боевых действий — в мирной Грузии! При масштабе проступка это — явная милость. В конечном же итоге ссылка Святослава Раевского в Олонецкую губернию продлится вдвое дольше

наказания Михаила Лермонтова.

Однако Мишель не спешит покидать столицу. По просьбе бабушки его отъезд разрешили отложить. Ох уж эта всесильная бабушка! Кто знает, как сложилась бы судьба Лермонтова, не чувствуя он за собою защиту и поддержку влиятельного и богатого рода Столыпиных? Так что Мишель не торопится на Кавказ. Из Петербурга он выехал лишь 19 марта 1837 года.

В Москве Лермонтов тоже задержался аж на два с половиной месяца! Какой ещё опальный офицер позволил бы себе такое? А ведь совсем недавно над ним висела угроза разжалования в солдаты! Чем же занимался Мишель в Москве? Он встретил здесь своего «заклятого» друга — Николая Мартынова. Если Мишель ехал на Кавказ против воли, то Николай добровольно отправился волонтёром от Кавалергардского полка для принятия участия в экспедиции против горцев. Н. С. Мартынов вспоминал:

«В Москве я остановился недели на две. Всё мое семейство жило там постоянно...

В эту самую эпоху проезжал чрез Москву Лермонтов. Он был переведён из гвардии в Нижегородский драгунский полк тем же чином за стихи, написанные им на смерть Пушкина. Мы встречались с ним почти всякий день, часто завтракали вместе у Яра; но в свет он мало показывался. В конце апреля я выехал в Ставрополь».

Итак, Мартынов уехал воевать, а Лермонтов остался в Москве и стал ухаживать за одной из его сестёр. Вот отрывок из письма матери Николая Мартынова:

«Москва, 25 мая [1837]

Где ты, мой дорогой Николай? Здесь только и говорят, что о неудачах на Кавказе; моё сердце трепещет за тебя, мой милый; я стала более чем когда-либо суеверна... Мы ещё в городе. Лермонтов у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык, и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сёстрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава Богу, он скоро уезжает; для меня его посещения всегда неприятны».

Наталья Мартынова

Дальнейшие события показали, что материнское сердце не обмануло. Вот что писал по этому поводу Д. Оболенский:

«Никому небезызвестно, что у Лермонтова, в сущности, был пренесносный характер, неуживчивый, задорный, а между тем его талант привлекал к нему поклонников и поклонниц. Неравнодушна к Лермонтову была и сестра Н. С. Мартынова, Наталья Соломоновна.

Говорят, что и Лермонтов был влюблён и сильно ухаживал за нею, а быть может, и прикидывался влюблённым. Последнее скорее, ибо когда Лермонтов уезжал из Москвы на Кавказ, то взволнованная Н. С. Мартынова провожала его до лестницы; Лермонтов вдруг обернулся, громко захохотал ей в лицо и сбежал с лестницы, оставив в недоумении провожавшую».

Первая ссылка

Покинув Москву в конце мая 1837 года, Лермонтов неспешно отправился на Кавказ, делая по пути остановки во всех заинтересовавших его местах, и приехал в Ставрополь, где находился штаб войск Кавказской линии и Черноморья, приблизительно в начале июня. Начальником штаба в то время был родственник Лермонтова генерал-майор Павел Иванович Петров. У Мишеля наверняка были с собой письма от бабушки и к Петрову, и к другим родственникам по линии Столыпиных, а также их друзьям и знакомым, находившимся тогда в Ставрополе. Генерал-майор П. И. Петров просит другого родственника Лермонтова — генерала А. И. Филофова — помочь перевести опального Мишеля в действующий отряд, чтобы тот в боевой обстановке мог заслужить прощение государя. Генерал А. И. Филофов обращается с соответствующей просьбой к начальнику штаба Отдельного Кавказского корпуса В. Д. Вольховскому. И вскоре, благодаря всем этим хлопотам, опальный корнет Лермонтов вместо того, чтобы немедленно отбыть прямым путем к месту назначения в Нижегородский драгунский полк, стоящий под Тифлисом в Грузии, прикомандировывается к отряду, находящемуся в подчинении у Командующего войсками Кавказской линии генерала А. А. Вельяминова, то есть остаётся на Северном Кавказе под заботливым крылышком генерал-майора П. И. Петрова.

Итак, вместо ссылки Лермонтов отправился в путешествие вдоль левого берега Терека и доехал аж до Кизляра. Любовался видами гор, рисовал, писал стихи. В Тамани столкнулся с контрабандистами, что дало ему сюжет будущей повести о Печорине. Словом, почти всё лето — июнь, июль и начало августа — Мишель, как турист, путешествовал по горам или принимал в Пятигорске минеральные ванны. Сохранилось письмо Лермонтова к бабушке, написанное 18 июля 1837 года в Пятигорске, в котором он просит писать ему на адрес **«любезного дядюшки»**:

«Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находится в Анапе, на берегу Чёрного моря, при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию; итак, прошу вас, милая бабушка,

продолжайте адресовать письма на имя Павла Ивановича Петрова и напишите к нему; он обещался мне доставлять их туда...»

В Пятигорске Лермонтов вёл привычный образ жизни: кутил, крутил романы с девицами, заводил новые знакомства. Встретил он здесь и своего старого знакомого, Николая Михайловича Сатина, с которым когда-то учился в Московском университетском пансионе. Сатин, в отличие от Лермонтова, близко сошёлся с Герценом и Огарёвым. В 1835 году он был вместе с ними арестован и выслан в Симбирскую губернию, а в 1837 тяжело заболел ревматизмом и был переведён на Кавказ, где усиленно лечился водами. Сатин тоже писал стихи, но больше известен своими переводами из Байрона и Шекспира. Он один из немногих, лично знавших Лермонтова людей, оставивший о нём воспоминания:

«С Лермонтовым мы встретились, как старые товарищи... Мы встретились уже молодыми людьми и, разумеется, школьные неудовольствия были взаимно забыты. Я сказал, что был серьёзно болен и почти недвижим. Лермонтов, напротив, пользовался всем здоровьем и вёл светскую, рассеянную жизнь. Он был знаком со всем «водяным обществом» (тогда очень многочисленным), участвовал на всех обедах, пикниках и праздниках. Такая, по-видимому, пустая жизнь не пропадала, впрочем, для него даром: он писал тогда свою «Княжну Мери» и зорко наблюдал за встречающимися ему личностями. Те, которые были в 1837 году в Пятигорске, вероятно, давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера...»

Местный врач Н. В. Майер, числившийся при командующем войсками на Линии генерале Вельяминове, лечил военных больных на Кавказских Минеральных Водах. Он послужил прототипом доктора Вернера в повести Лермонтова «Княжна Мери». После выхода романа «Герой нашего времени» Майер был очень возмущён тем, как он был изображён и даже написал в письме своему другу Н.М. Сатину о Лермонтове:

«Ничтожный человек, ничтожный талант».

Практически все реальные люди, запечатлённые Михаилом Лермонтовым в его стихах и прозе, негодуют и оскорбляются тем, как он это сделал.

Пока Мишель наслаждался «ссылкой», путешествуя за государственный счёт, государь Николай I сам отправился в поездку на Кавказ и прибыл в Грузию ранее уехавшего туда ещё в начале марта опального прапорщика Лермонтова! Всё это время бабушка Мишеля не сидела, сложа руки. Используя все свои связи и влияние, она хлопотала за внука, и её усилия не пропали даром. 11 октября 1837 года в Тифлисе императором было подписано прощение прапорщика Лермонтова, и отдан высочайший приказ по кавалерии о переводе его **«в Гродненский гусарский полк корнетом»**.

Но и теперь Мишель не спешит к месту назначения! Армейская рутина его не устраивает. Только в конце октября 1837 года Лермонтов, наконец, отправляется в Нижегородский драгунский полк, но опять же, не отказывая себе в туристических удовольствиях — **«был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии»**. Словом, пользуясь случаем, Мишель объехал всё Закавказье.

1 ноября 1837 года в «Русском инвалиде» был опубликован высочайший приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, стоявший под Новгородом. Мишель по-прежнему не спешит к месту новой службы. Ему нравится ссылка на Кавказ! Вот что он имеет наглость писать в декабре 1837 года из Тифлиса томящемуся в настоящей ссылке Раевскому:

«Любезный друг Святослав!

Я полагаю, что либо мои два письма пропали на почте, либо твои ко мне не дошли, потому что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем бабушки.

Наконец, меня перевели обратно в гвардию, но только в Гродненский гусарский полк, и если б не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли поселение веселее Грузии.

С тех пор, как я выехал из России, поверишь ли, я находился до сих пор в непрерывном странствовании, то на перекладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах;

меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить — в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино только тогда, когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то, приехав на место, греюсь...

Здесь, кроме войны, службы нету; я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два-три выстрела; зато два раза в моих путешествиях отстреливался: раз ночью мы ехали втроём из Кубы, я, один офицер нашего полка и черкес (мирный, разумеется), — и чуть не попались шайке лезгин. Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани! Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собою порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал. Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух — бальзам; хандра к чорту, сердце бьётся, грудь высоко дышит — ничего не надо в эту минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остаётся только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским.

Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село; скучно ехать в Новый полк, я совсем отвык от фронта, и серьёзно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не забудь меня, и верь всё-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал.

Вечно тебе преданный М. Лермонтов»

После Тифлиса, Мишель пожил, сколько хотел, в Пятигорске,

потом в Ставрополе, затем побывал в Елисаветграде, в Москве и, конечно, в Петербурге. В столице Лермонтов постарался задержаться подольше. Сохранилось его письмо генерал-майору П. И. Петрову:

«Петербург, 1 февраля 1838 г.

Любезный дядюшка Павел Иванович. Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых всемогущего Аллаха, разостлал ковёр отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний. Бабушка выздоровела от моего приезда и надеется, что со временем меня опять переведут в лейб-гусары; и теперь я ещё здесь обмундировываюсь; но мне скоро грозит приятное путешествие в великий Новгород, ужасный Новгород...»

В Петербурге Лермонтов побывал в гостях у Жуковского, читал тому свои новые стихи и получил в подарок экземпляр «Ундины» с автографом. Но в литературные круги Мишеля по-прежнему не допускают.

В конце концов, Лермонтов всё же вынужден покинуть столицу и отправиться к новому месту службы. Ехал он, как обычно, не спеша, и прибыл в Новгород лишь 25 февраля 1838 года. Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк в то время дислоцировался в 145 верстах от столицы империи в местечке Селищи в знаменитых селищинских казармах. В Новгороде Лермонтов задерживаться не стал и 26 февраля 1838 года явился к командиру полка князю Багратиону — Имеретинскому. Он получил назначение в 4-й эскадрон, а на другой день, 27-го числа, уже дежурил. Здесь у Мишеля не было дядюшки-генерала, который простил бы ему столь долгое путешествие к месту службы — пришлось отрабатывать опоздание.

Впрочем, и в этом полку Лермонтов надолго не задержался, ведь его бабушка, Елизавета Алексеевна, неустанно хлопотала о переводе внука в стольный Петербург. По её просьбе граф Бенкендорф уже 28 марта 1838 года писал военному министру Чернышёву:

«Родная бабка его, вдова Гвардии Поручика Арсеньева, огорчённая невозможностью беспрерывно видеть его, ибо по старости своей она уже не в состоянии переехать в Новгород, осмеливается всеподданнейше повергнуть к стопам его Императорского Величества просьбу свою о... переводе внука её

Лейб-гвардии в Гусарский полк, дабы она могла в глубокой старости (ей уже 80 лет) спокойно наслаждаться небольшим остатком жизни и внушать своему внуку правила чистой нравственности и преданность монарху.

Принимая живейшее участие в просьбе этой доброй и почтенной старушки и душевно желая содействовать к доставлению ей в престарелых летах сего великого утешения и счастья видеть при себе единственного внука своего, я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство в особенное, личное мне одолжение испросить у Государя императора к празднику Св. Пасхи Всемиловнейшее, совершенное прощение корнету Лермантову, и перевод его Лейб — Гвардии в Гусарский полк.

Генерал — Адъютант Граф Бенкендорф».

Вот так, оказывается, на самом деле «преследовал» опального поэта Лермонтова главный жандарм России граф А. Х. Бенкендорф! В результате Мишель прослужил под Новгородом всего полтора месяца и уже 9 апреля 1838 года был переведён в Царское Село в свой прежний лейб-гвардии Гусарский полк. Насколько известно, за время пребывания в Селищах Лермонтов шесть раз дежурил по полку и два раза был на церковном параде. Здесь с ним никто не нянчился, да и поэтом не считал.

Некоторые литературоведы пишут, что, несмотря на краткость пребывания Лермонтова в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, он успел приобрести среди товарищей по службе уважение и авторитет как офицер и поэт. Однако, один из его сослуживцев, А. И. Арнольди, по данному поводу написал позднее в своих мемуарах следующее:

«Лермонтов в то время не имел ещё репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрёл впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха, и мы, не предвидя в нём будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно...»

Что же касается офицерской удали, то надо понимать специфику гусарской службы. В казармах не было иных развлечений, кроме вечеринок с вином и картами. Известно, что Лермонтов в Селищах в первый же вечер проиграл за карточным столом 800 рублей! Четыре офицерских жалованья за раз! Таких «удальцов» в любом карточном

обществе будут носить на руках. Кроме того, в свободное от службы время Лермонтов позволял себе довольно часто отъезжать в Петербург, а ведь это 145 вёрст туда и столько же обратно! Кто ещё из товарищей Лермонтова по службе мог себе позволить такое? Так что, словами Пушкина можно сказать: **«Он уважать себя заставил и лучшие выдумать не мог!»**, однако то ли это уважение, которого достоин именно офицер? Всё тот же Александр Арнольди, ставший позднее генералом от кавалерии, участником Кавказских походов и русско-турецкой войны 1877–1878 годов, военным губернатором Софии писал в своих мемуарах:

«Он был препустой малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи. Я жил с Лермонтовым в одной квартире, я видел не раз, как он писал. Сидит, сидит, изгрызёт множество перьев, наломает карандашей и напишет несколько строк. Ну, разве это поэт?»

Конечно, Арнольди пристрастен в своих оценках личности Лермонтова, а кто — нет? Ведь даже обычный стакан, наполовину наполненный водой, разные люди видят неодинаково: для одних он наполовину полон, а для других — наполовину пуст. А тут — живой человек! Но, очевидно, что мнение Арнольди о Лермонтове было на чём-то основано. По-видимому, оно не раз обсуждалось в различных офицерских компаниях и в конечном итоге сложилось именно таким. И скорее всего не только у него одного, раз этот человек в своих мемуарах говорит о Лермонтове не только от своего лица, но и неоднократно употребляет слово «мы». Вот и Ю. Елец в своей «Истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка» пишет:

«За свое пребывание в полку Лермонтов не оставил по себе того неприятного впечатления, каким полны отзывы многих сталкивавшихся с ним лиц. Правда, отзывы гродненских офицеров о Лермонтове устанавливали одно общее мнение о язвительности его характера, но это свойство не мешало Лермонтову быть коноводом всех гусарских затей и пирушек...»

Вот так и прошла первая ссылка Михаила Лермонтова — в туристических походах по Кавказу, балах и офицерских пирушках.

Санкт — Петербург, 1838–1840 г. г

Вернувшись, наконец, в столицу в ореоле скандальной славы «пострадавшего за правду» Лермонтов вновь ставит перед собой цель: во что бы то ни стало пробиться в большой свет. Теперь ему сделать это гораздо проще — Мишелю протежируют друзья и поклонники Пушкина, не говоря уже о влиятельных родственниках из рода Столыпиных. И это не осталось незамеченным. Граф В. А. Соллогуб даже написал в 1839 году повесть «Большой свет», где красочно изобразил «маленького корнета Мишеля Леонина». Ничтожный и нелепый, Мишель безуспешно старается обратить на себя внимание общества и прежде всего женщин, использует для этого своего богатого родственника, который сам довольно-таки безгласно относится к маленькому уродцу, но вынужден по просьбе бабушки водить того по салонам. Разумеется, мало для кого было секретом, что в повести Соллогуба изображены Михаил Лермонтов и Алексей (Монго) Столыпин. Однако, Мишель ничуть этим не смущён, по крайней мере он никак не показывает свою обиду и даже лично поздравляет графа Соллогуба с выходом повести. Ведь надо сначала пробиться в свет, завоевать там своё место, а потом уже можно будет и отомстить всем обидчикам. И эта тактика поначалу полностью себя оправдывает. Вот строки из письма Лермонтова М. А. Лопухиной:

«Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали другу друга. Это, по крайней мере, откровенно. Все те, кого я преследовал в моих стихах, осыпают меня теперь лестью. Самые хорошенькие женщины добиваются у меня стихов и хвалятся ими, как триумфом. Тем не менее, я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили. Может быть, эти жалобы покажутся вам, милый друг, неискренними; вам, может быть, покажется странным, что я гонюсь за удовольствиями, чтобы скучать, слоняясь по гостиным, когда там нет ничего интересного. Ну что же, я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток это тщеславие и самолюбие. Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество: это мне не удалось, и двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это

же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы и не подозревали гривы. Согласитесь, что всё это может опьянять; к счастью, моя природная лень берёт верх, и мало-помалу я начинаю находить всё это несносным. Но этот обрётённый мной опыт полезен в том отношении, что даёт мне оружие против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будет средство отомстить; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там...»

Как видно из этих строк, Мишель страстно желал блистать именно в высшем свете, в модных аристократических салонах. О литературной славе или публикациях в журналах речи вообще нет! Так, время от времени, дарятся какие-то стихи разным восторженным девицам, не более того. Хотя достойный ответ «будущим клеветникам» Мишель всё же готовит, и месть им будет, конечно же, литературной, в стихах и прозе. Литература же сама по себе интересуется Лермонтова постольку поскольку. Он не пытается хоть как-то сблизиться даже с одним из виднейших критиков того времени — Виссарионом Белинским, хоть у него и была такая возможность ещё во время ссылки на Кавказ, в Пятигорске. Наоборот, Мишель тогда вновь поддался своему Демону и оттолкнул от себя Белинского. Вот как описал их первую встречу Н.М. Сатин:

«Лермонтов приходил ко мне почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать. Он не любил говорить о своих литературных занятиях, не любил даже читать своих стихов, но зато охотно рассказывал о своих светских похождениях, сам первый подсмеивался над своими любвями и волокитствами. В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустячках; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембар (Пензенской губ.).

Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На

столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с удивлением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьёзному разбудил юмор Лермонтова. На серьёзные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шутками.

— Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернёры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд смотрел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. Тицётно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

Г. Белинский — художник Кирилл Горбунов 1843

Белинский, с своей стороны, иначе не называл Лермонтова, как пошляком, и когда я ему напоминал стихотворение Лермонтова «На смерть Пушкина», он отвечал: «Вот важность написать несколько удачных стихов! От этого ещё не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком!»

На впечатлительную натуру Белинского встреча с Лермонтовым произвела такое сильное влияние, что в первом же письме из Москвы он писал ко мне: «Поверь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов».

Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга...»

Сатин старается оправдать Лермонтова, пытаясь явное злословие

того выдать за юмор, но у него это плохо получается.

Позднее, уже в Петербурге, прочитав роман «Герой нашего времени», Белинский изменил своё мнение о Лермонтове как о писателе и тот завоевал его уважение именно в этом качестве. Но вот поверить в то, что и Лермонтов в свою очередь вдруг стал ценить Белинского, я не могу. Лермонтов рвался в высший свет столичной аристократии, к которому Белинский ни в малейшей степени не принадлежал, и, следовательно, знаменитый критик был ему малоинтересен. Они не раз встречались у Андрея Краевского, редактора литературного журнала «Отечественные записки». Белинский писал восторженные статьи о Лермонтове, но никакого сближения между ними, а тем более дружбы не было. Мишель по-прежнему не желал примыкать к каким-либо литературным партиям, предпочитал держаться наособицу.

Да, стихи и прозу Лермонтова стали, наконец, публиковать в одном из лучших журналов России, но для всех этих князей и баронов из высшего петербургского света, в чьё общество так жаждал попасть Мишель, он оставался мелким, ничего не значащим офицеришкой, а не литературной знаменитостью. Нынешние литературоведы стараются уверить нас, что имя Лермонтова гремело по всей России, что всё образованное общество зачитывалось его стихами и прозой. Однако факты этого не подтверждают. Приведу наглядный пример.

Роман Михаила Лермонтова «Герой нашего времени» был издан в Санкт — Петербурге в типографии Ильи Ивановича Глазунова в конце апреля 1840 года в двух книгах тиражом всего лишь в тысячу экземпляров. История издания изложена в «Кратком обзоре книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых»:

«Это первое издание романа Лермонтова, напечатанное типографией Глазунова, несмотря на хорошие отзывы в «Отечественных записках» В. Г. Белинского, сначала совсем почти не расходилось; это побудило издателей обратиться к Ф. В. Булгарину и попросить написать его в «Северной пчеле» статью об этом произведении. Как только появилась в «Северной пчеле»... статья Ф. В. Булгарина, издание раскупили почти что нарасхват».

Фаддей Булгарин — художник И. Фридерик, 1828

Что ж это за известность такая, при которой даже мощная рекламная кампания самого Виссариона Белинского в одном из популярнейших журналов того времени не подвигла читателей раскупить какую-то жалкую тысячу экземпляров романа? Более того, издателям, чтобы не впасть в убыток, пришлось пойти на хитрость и обратиться за помощью во вражеский стан. Существует версия, что бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, по чьему-то совету отправила Фаддею Булгарину два экземпляра романа, вложив в один из них пятьсот рублей ассигнациями — жалованье офицера за два месяца! И вскоре в журнале «Северная пчела» появилась статья Булгарина, в которой этот знаменитый писатель и критик того времени пишет:

«Скажите, ради Бога, где созрело, где развилось это необыкновенное дарование? Каким волшебством этот юный ум проник в тайники природы, в глубину души человеческой? Какая непостижимая сила сорвала пред ним личину общества и объяснила болезнь, которую оно страждет в наше время, в XIX веке?! Всё это чудеса для меня! «Герой нашего времени» — первый опыт в прозе юного автора, первый — понимаете ли! Гениальные умы взвиваются на высоту при первых поэтических порывах, но в прозе эти примеры чрезвычайно редки. Проза требует глубокой науки и обдуманности. Виктор Гюго написал множество плохих романов и повестей, пока создал «Notre Dame de Paris». Бальзак долго влачил по земле, пока возвысился до «Евгении Гранде», «Отца Горио», «Истории тринадцати» и «Шагириновой кожи». Вальтер Скотт начал писать свои романы уже в зрелых летах, богатый опытами жизни и наукою...

Автор «Героя нашего времени» в первом опыте стал на ту ступень, которой достигали другие долговременною опытностью, наукою, трудом и после многих попыток и неудач. О Русь, мать всех племён славянских, сколько дарования, сколько ума и нравственной силы сокрыто в твоих недрах! Другие народы уже истощили дар слова, а мы едва тронули поверхность нашего рудника...

Лучшего романа я не читал на русском языке! Это говорит вам романист, рассказчик и критик, которого многие почитают неумолимым, беспощадным и даже привязчивым критиком, потому что он говорит откровенно правду напыщенной бесталантности, дерзкой самонадеянности и пронырливому литературному

корыстолюбия, прикрывающемуся глупым чванством. Вот юный автор, незнакомый мне и, вероятно, не благоприятствующий мне, судя по его литературным связям, в которые он мог попасть нечаянно. Этот юный автор с истинным, неподдельным дарованием, и я хвалю его сочинение с такою же радостью, как будто бы делился с ним его славою. И точно делюсь, потому что слава русской литературы отражается на всех нас, на всей России, а её можно искренно поздравить с таким автором, каков творец романа «Герой нашего времени»! С этих пор автор должен вооружиться мужеством и терпением. У него будут бесталантные подражатели и завистники. Зависти не знает истинный литератор, посвятивший литературе всю жизнь свою, всё свое время, пожертвовавший ей своим честолюбием и светскими преимуществами. Зависть есть удел тех самозванцев в литературе, которые употребляют её как средство к достижению других целей. Истинный литератор — раб своей обязанности. Если б жесточайший враг его написал хорошее — он должен хвалить, если не хочет сам унизиться до степени своих клеветников. Литератор, как судья, должен смотреть не на лица, а на дела...»

Как видно из статьи, Фаддей Булгарин не был до этого знаком с творчеством Михаила Лермонтова! В приведённых отрывках он даже ни разу не упоминает его имя, прекрасно понимая, что читателю проще запомнить название романа, чем фамилию малоизвестного автора. В то время Фаддей Булгарин был известным на всю Россию журналистом и весьма популярным автором интереснейших исторических романов. Ещё при его жизни вышло полное собрание сочинений в семи томах. Оно так понравилось императору Николаю I, что тот объявил Булгарину «высочайшую благодарность» и наградил бриллиантовым перстнем. Поэтому нет ничего удивительного, что статья Булгарина в издаваемой им «Северной пчеле» привела к тому, чего не смог добиться Белинский — роман Лермонтова «Герой нашего времени» мгновенно раскупили, и вскоре начало готовиться второе издание.

В досаде на столь очевидную всем демонстрацию весомости мнения обоих критиков в глазах читателей, В. Г. Белинский не удержался и ядовито назвал рецензию Булгарина «**купленным пристрастием**», намекая на полученные тем пятьсот рублей. И это

высказывание гораздо сильнее бьёт по самому Белинскому. Во-первых, оно показывает явную зависть одного критика к авторитету другого. Во-вторых, бросает тень на роман Лермонтова: так ли уж он хорош, как говорил сам Белинский, или его можно хвалить только за деньги? Белинского, между прочим, тоже можно было бы обвинить в ангажированности, так как он являлся штатным критиком журнала А. Краевского «Отечественные записки», где были ранее напечатаны три из пяти повестей Лермонтова о Печорине. Три из пяти! Выходит, что читатели журнала почему-то не захотели приобрести роман в полном виде, чтобы узнать, что же там дальше стало с Печориным.

Сейчас абсолютно неважно, был ли Фаддей Булгарин искренен в своих оценках «Героя нашего времени» или просто отработывал полученные деньги, но сам Лермонтов, конечно, не мог не знать подробностей данной истории, раз уж они были известны тому же Белинскому. И знаете, как Мишель отблагодарил Булгарина за помощь? Написал на него несколько едких эпиграмм!

Но оставим в покое литературные дразги, я привёл их здесь лишь в качестве иллюстрации истинной известности, вернее — неизвестности Михаила Лермонтова как поэта и писателя вплоть до момента выхода его романа «Герой нашего времени» отдельным изданием в конце апреля 1840 года. Да и эта тысяча экземпляров романа вряд ли могла кардинально изменить ситуацию. В литературных салонах Петербурга — может быть, но никак не в масштабах всей России. Так что Александр Арнольди в своих мемуарах не врал, когда писал:

«Мы не обращали на Лермонтова никакого внимания, и никто из нас и нашего круга не считал Лермонтова настоящим поэтом, выдающимся человеком...»

Да и сам Мишель отлично знал себе цену и в литераторы не рвался, предпочитая литературным салонам великосветские приёмы и балы. Известный русский писатель и журналист Иван Иванович Панаев, по рекомендации которого Белинский был приглашён А. А. Краевским заведовать критическим отделом «Отечественных записок», писал:

«Лермонтов хотел слыть во что бы то ни стало и прежде всего за светского человека и оскорблялся точно так же, как Пушкин, если кто-нибудь рассматривал его как литератора. Несмотря на сознание, что причиной гибели Пушкина была склонность его к великосветскости...»

А как проходит служба Мишеля в его гусарском полку? Оправдал ли он своим поведением ходатайства за него графа Бенкендорфа и военного министра графа Чернышёва? Вот что пишет об этом М. Н. Лонгинов в VII томе «Русской Старины»:

«Лермонтов был очень плохой служака, в смысле фронтовика и исполнителя всех мелочных подробностей в обмундировании и исполнении обязанностей тогдашнего гвардейского офицера. Он частенько сиживал в Царском Селе на гауптвахте, где я его иногда навещал. Между прочим, помню, как однажды он жестоко приставал к арестованному вместе с ним лейб-гусару, покойному Владимиру Дмитриевичу Бакаеву (ум. 1871 г.).

Весною 1839 г. Лермонтов явился к разводу с маленькою, чуть-чуть не изгущечною детскою саблею при боку, несмотря на присутствие великого князя Михаила Павловича, который тут же арестовал его за это, велел снять с него эту саблю и дал поиграть ею маленьким великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам, которых привели посмотреть на развод. В августе того же года, великий князь, за неформенное шитьё на воротнике и обшлагах вицмундира, послал его под арест прямо с бала, который давали в ротонде царскосельской китайской деревни царскосельские дамы офицерам расположенных там гвардейских полков (лейб-гусарского и кирасирского) в отплату за праздники, которые эти офицеры устраивали в их честь. Такая нерадивость причитывалась к более крупным проступкам Лермонтова и не располагала начальство к снисходительности в отношении к нему, когда он в чём-либо попадался».

Но что значит мнение полкового начальства, когда за Мишеля хлопочут на самых верхах? И вот 6 декабря 1839 года выходит приказ военного министра графа Чернышёва о переводе лейб-гвардии корнета Лермонтова на освободившуюся вакансию поручика от кавалерии. Это явно незаслуженное звание останется, тем ни менее, единственной наградой, полученной Михаилом Лермонтовым в армии.

Первая дуэль

Итак, Мишель, наконец, добился своего: его принимают в лучших домах Петербурга, пусть и в качестве родственника и спутника Алексея Столыпина. Зимой 1839 года доходит очередь и до французского посольства. Понятно, что прежде чем выдать кому-либо приглашение посетить приём, там проверяют личность гостя. Со дня гибели Пушкина на дуэли с Дантесом прошло всего два года, однако секретарь французского посольства барон д'Андре от имени посла Франции господина Проспера де Баранта почему-то поинтересовался у А. И. Тургенева: правда ли, что стихотворение Лермонтова «Смерть Поэта» направлено не только против Дантеса, но и против всех французов? Уже сам факт подобного вопроса означает, что стихотворение, якобы широко известное как в России, так и за границей, на самом деле никто не читал даже во французском посольстве в Петербурге! Вот и верь после этого литературоведам.

Тургенев немедленно обратился за разъяснениями к самому Лермонтову, и Мишель на следующий день прислал ему текст стихотворения «Смерть Поэта», сопроводив его запиской:

«Посылаю Вам ту строфу, о которой Вы мне вчера говорили, для известного употребления, если будет такова Ваша милость».

Таким образом, получается, что и у Тургенева тоже не было этого по утверждениям литературоведов ***«знаменитого и общеизвестного, ходившего в тысячах рукописных списков»*** стихотворения!

Возникает вопрос: зачем французскому послу приглашать на бал скандально известного мелкого офицеришку, к тому же по слухам не любящего французов? Верить литературоведам, что на это де Баранта подвигла всероссийская литературная слава Михаила Лермонтова, увы, не получается. Нет пока этой славы, да и откуда ей взяться? Ведь роман «Герой нашего времени», как и небольшой сборник стихотворений, выйдут из печати только в следующем году, один в апреле, другой в октябре, да и те тиражом всего лишь в тысячу экземпляров.

Скорее всего, приглашение послано Алексею Столыпину, а тот, как известно, в этот период вынужден по просьбе бабушки Мишеля водить с собой своего малоприятногo родственника на все великосветские балы и приёмы. Это в глазах восторженных барышень и их родителей

Лермонтов — блестящая партия: молод, здоров, богат, офицер, служащий не где-то в захолустье, а в Царском Селе, и к тому же — единственный наследник огромного состояния престарелой бабушки!

Но вот для устроителей приёмов Лермонтов — головная боль. Ведь единственное развлечение Мишеля — злое высмеивание окружающих, а подобное поведение чревато конфликтами и обидами. Лермонтов явно описывал самого себя в одной из сцен беседы Печорина с княжной Мэри:

«Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это её забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек! — сказала она мне. — Я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?...

— Вы хуже...»

Лермонтов не раз говорил и писал, что наделил Печорина многими собственными мыслями и чертами характера. Ну и, как было сказано выше, он почти с документальной точностью описывал в своих произведениях знакомых ему людей и реальные события. Учитывая всё это, я думаю, что французскому послу от А. И. Тургенева нужно было не столько содержание скандального стихотворения Лермонтова, сколько получение гарантий того, что Мишель в случае приглашения его на приём не причинит ни хозяевам, ни гостям никаких неприятностей. И, очевидно, что де Барант такие гарантии получил, потому что он выдал Лермонтову приглашение на новогодний бал во французском посольстве, так как, по его словам, убедился, что тот никогда **«не думал поносить французскую нацию»**.

И поначалу Лермонтов придерживался данного им Тургеневу обещания вести себя корректно, но, к сожалению, это продлилось недолго. Сидящий внутри него Демон вскоре вновь дал о себе знать, и Мишель перестал скрывать от окружающих своё презрение к иностранцам, ищущим своё счастье в России. Видимо, у Лермонтова

был комплекс по данному поводу, ведь он сам являлся прямым потомком шотландского искателя приключений. Но особенную неприязнь у Лермонтова вызывали французы, ведь именно их представитель убил на дуэли Пушкина, перед которым Мишель просто преклонялся.

Разумеется, оскорбительное поведение Лермонтова не могло остаться незамеченным. Тем более, что он выбрал мишенью для своих острот сына французского посла в России — Эрнеста де Баранта. 16 февраля 1840 года на балу у графини Лаваль некая Тереза фон Бахерахт рассказала молодому де Баранту о том, что думает о нём и обо всех французах Михаил Лермонтов. Зачем она это сделала, сейчас уже не важно. Разумеется, Эрнест де Барант не мог проигнорировать слова Терезы фон Бахерахт. Он подошёл к Лермонтову и сказал ему:

«...если всё переданное мне справедливо, то вы поступили дурно».

Вместо того, чтобы объясниться и разрешить дело миром, Лермонтов вызывающе произносит следующее:

«Ни советов, ни выговоров не принимаю и нахожу ваше поведение смешным и дерзким».

Ещё более оскорблённый де Барант говорит:

«Если б я был в своём отечестве, то знал бы как кончить дело».

Лермонтов отвечает:

«Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде, и мы, русские, не меньше других позволяем оскорблять себя безнаказанно».

Разговор происходил публично, и Эрнесту де Баранту ничего иного не оставалось, как сделать формальный вызов на дуэль, который Лермонтов не только немедленно принял, но и ужесточил условия. В Европе дрались на шпагах до первой крови, но Мишель потребовал, чтобы после поединка на шпагах дуэль была продолжена по русскому обычаю на пистолетах. И де Баранту пришлось согласиться. При этом следует учесть то, что Лермонтов — офицер, закончивший военную школу, считается, что он прекрасно фехтует и стреляет. А молодой де Барант — сугубо штатский юноша, хотя его наверняка и обучали держать в руках шпагу. Смертельные дуэли во Франции — редкость, но защищать свою честь должен уметь любой дворянин.

Дуэль состоялась днём 18 февраля на той же самой Чёрной речке,

где совсем недавно Дантес убил Пушкина. Сначала по-французски бились на шпагах. Эрнест де Барант в этом поединке победил — несмотря на то, что он поскользнулся, его шпага всё же поцарапала грудь Лермонтова. Удар же Лермонтова пришёлся в рукоять шпаги противника. Он был настолько силён, что сломалось остриё. Секунданты принесли пистолеты. Оба выстрела прогремели практически одновременно. Барант промахнулся. Пуля Лермонтова тоже пролетела мимо. Дуэлянты пожали друг другу руки и разъехались.

Конечно, барон Проспер де Барант даже не предполагал, требуя соответствующих гарантий, что приглашения на балы поручика Лермонтова закончатся дуэлью с его сыном. Однако, Мишель не только нарушил данное им французскому послу обещание, что его присутствие на приёмах и балах не принесёт никому никаких неприятностей, но и подвёл поручившегося за него А. И. Тургенева. Позднее, уже после дуэли, Лермонтов перестанет скрывать её истинные мотивы и откровенно скажет:

«Я ненавижу этих искателей приключений — эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети».

Отсутствовавший в Петербурге во время дуэли секретарь французского посольства барон д'Андрэ написал Просперу де Баранту 28 марта 1840 года письмо, в котором есть такие строки:

«Потом я очень сожалел, что покинул Вас на восемь дней раньше срока; мне казалось, что я мог бы избавить Вас от того, что случилось. Ко времени моего отъезда они уже были в очень натянутых отношениях. Я несколько раз уговаривал Эрнеста сделать над собой небольшое усилие, чтобы не придавать слишком большого значения не вполне культурным манерам г-на Лермонтова, которого он видел слишком часто».

После дуэли с Эрнестом де Барантом, Лермонтов был арестован и сидел в ордонанс-гаузе, ожидая решения своей участи. В 1787 году Екатерина II издала «Манифест о поединках», в котором за бескровную дуэль обидчику грозила пожизненная ссылка в Сибирь, а раны и убийство на дуэли приравнивались к уголовным преступлениям. Во времена Николая I за дуэль можно было лишиться дворянства и угодить на каторгу. Разумеется, бабушка вновь привлекла к спасению единственного внука все свои придворные и родственные связи.

Сидящего под арестом Лермонтова навестили Краевский и Белинский, ведь готовились к отдельному изданию его роман и сборник стихотворений, проверить гранки которых Мишель не мог. Лермонтов понимал, что ему сейчас нужна любая поддержка. Мнение «общества» всегда много значило в России, а кто как не литераторы способны создать и распространить благоприятное для Мишеля освещение произошедших событий? Видимо, поэтому он изменил своей натуре и постарался угодить даже презираемому им Белинскому. Грозный критик оказался падким на лесть и вскоре написал своему другу Боткину:

«Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!

Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше Вальтер Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целостности. Я давно так думал и ещё первого человека встретил, думающего так же. Перед Пушкиным он благоговеет и больше всего любит «Онегина». Женщин ругает: одних за то, что дают; других за то, что не дают... Пока для него женщина и давать — одно и то же. Мужчин он также презирает, но любит одних женщин и в жизни только их и видит. Взгляд чисто онегинский. Печорин — это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлаждённом и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: «Дай Бог!» Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моём перед ним превосходстве!»

Сам ли Мишель додумался до метода собственной защиты, или кто-то более опытный дал ему соответствующий совет, но Лермонтов неожиданно для всех заявил на закрытом военном суде, что он, принимая вызов от господина де Баранта, *«желал тем самым поддержать честь русского офицера»*, но во время дуэли стрелял в

воздух. Данные обстоятельства были учтены Генерал — Аудиториатом (высшим военным судебным органом) в числе **«положительных сторон поединка»**, а «общественное мнение» быстро распространило повсеместно эту версию.

Дело в том, что как раз в это время между Россией и Францией возникли настолько напряжённые отношения, что ещё в декабре 1839 года русский посол во Франции граф Пален выехал в Петербург и оставался в России около трёх месяцев. Император Николай I сильно недолго любил короля Франции Луи — Филиппа. Именно в начале 1840 года французские газетчики опубликовали сенсационные разоблачения связи русского императора с претендентом на французский престол, племянником Наполеона — Луи Бонапартом. Долгое отсутствие в Париже главы русского посольства было воспринято французским правительством как враждебная демонстрация. Русский дипломат в Париже барон Медем сообщал 4 января 1840 года в частном письме к вице-канцлеру Нессельроде, что **«если пребывание Палена в России продлится, то французский король примет крайние меры и отзовёт Баранта из Петербурга на неопределённый срок»**.

Граф Пален выехал в Париж только 18 марта 1840 года. Весь этот период — с декабря 1839 по март 1840 года — посол Франции де Барант буквально сидел на иглоках, готовый в любой день выехать из России. А тут ещё дуэль его сына с русским офицером!

На этом и сыграли защитники Лермонтова.

«Это совершенная противоположность истории Дантеса, — замечает П. А. Вяземский 22 марта 1840 года. — Здесь действует патриотизм. Из Лермонтова делают героя и радуются, что он проучил француза».

Как пишет Белинский:

«Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что 13 Апреля 1840 года Генерал — Аудиториат, по рассмотрении военно-судного дела, произведённого над поручиком лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым, вынес следующее решение:

«За сии противозаконные поступки, Генерал — Аудиториат, руководствуясь Свода военных постановлений, Военно-уголовного

Устава книги 1-й ст. 392 и 393-й, полагает, лишив его Лермантова чинов и дворянского достоинства, написать в рядовые.

Но принимая в уважение во первых причины, вынудившие подсудимого принять вызов к дуэли, на которую он вышел не по одному личному неудовольствию с Бароном де-Барантом, но более из желания поддержать честь Русского офицера, во вторых то, что дуэль эта не имела никаких вредных последствий; в третьих, поступок Лермантова во время дуэли, на которой он, после сделанного де-Барантом промаха из пистолета, выстрелил в сторону, в явное доказательство, что он не жаждал крови противника, и наконец засвидетельствование начальства об усердной Лермантова службе, повергает участь подсудимого на Всемилостивейшее Его Императорского Величества воззрение, всеподданнейше ходатайствуя о смягчении определяемого ему по законам наказания, тем, чтобы вменив ему Лермантову содержание под арестом с 10-го прошедшего Марта, выдержать его еще под оным в крепости на гоубтвахте три месяца и потом выписать в один из Армейских полков тем же чином».

На обёртке этого решения Николай I собственноручно наложил резолюцию: **«Перевести в Тенгинский пехотный полк... исполнить сиюдниже».**

Как и перед первой ссылкой на Кавказ Лермонтова вновь не разжаловали в солдаты, оставив в том же офицерском звании. И после подобного финала нам упорно навязывают миф о том, как император Николай I и Бенкендорф ненавидели поэта и всячески его преследовали!

Однако история на этом не закончилась. Подобное извращение ситуации ни в коей мере не устраивает де Барантов. До этого молодой де Барант считал победителем себя, так как он выиграл поединок на шпагах, а на пистолетах произошла ничья — оба противника промахнулись. И раз Лермонтов не стал настаивать на продолжении дуэли, де Барант решил, что достойно защитил свою честь, как и подобает дворянину. Теперь же, после того, как Лермонтов заявил, что **намеренно стрелял мимо**, причём — **после того, как промахнулся его противник**, в столичном обществе распространилось мнение, что это именно он **«проучил француза»!**

Лично я разделяю возмущение Эрнеста де Баранта, и вот почему.

Зачем Лермонтов так настаивал на дуэли по-русски, если стрелять в противника не собирался? К тому же, если кто-то стреляет вверх или в сторону, это невозможно не заметить, так как подобный поступок по сути своей просто обязан быть недвусмысленным и демонстративным. Определить же, промахнулся человек или намеренно выстрелил мимо, практически невозможно. Кроме того, поединок на шпагах явно свидетельствует, что Лермонтов дрался всерьёз и колол своего противника с такой силой, что даже сломал кончик своей шпаги. То, что Лермонтов якобы был отличным фехтовальщиком и стрелком, а потому не мог промахнуться, мы знаем только со слов его защитников. Как известно, во время обучения в военной школе партнёром Мишеля в поединках на саблях и шпагах был Николай Мартынов, поступивший в школу юнкеров на год позже, то есть — новичок! Почему же не однокурсник? Ведь, как показывает опыт, чтобы улучшить собственные навыки, тренироваться надо с равным или более сильным противником, но никак не с новичком. Так что проигрыш Лермонтова в дуэли на шпагах де Баранту подрывает веру и в правоту утверждения его защитников, что Мишель был отличным стрелком. Да и позднее, в боях с чеченцами, Лермонтов никогда не пользовался пистолетом, предпочитая саблю.

Как бы там ни было, но Эрнест де Барант принял неожиданное заявление Лермонтова о его якобы намеренной стрельбе мимо как очередное оскорбление. Он посетил Лермонтова в ордонанс-гаузе и потребовал от того объяснений. Мишель нагло заявил в ответ, что готов доказать свою правоту в новой поединке на пистолетах, прекрасно понимая при этом, что повторения дуэли никто не допустит. Лермонтоведы утверждают, что Эрнест де Барант, якобы, трусил и в спешке покинул Россию. Рассказывая о своей дуэли Белинскому, Мишель презрительно охарактеризовал соперника как **«салонного Хлестакова»**. Но так ли всё было на самом деле?

Эрнесту де Баранту был двадцать один год. Он окончил высшую школу, носил звание доктора Боннского университета. В 1838 году посланник выписал сына в Россию и стал готовить его к дипломатической карьере. Когда в феврале 1840 года секретарь французского посольства барон д'Андрэ уехал из Петербурга, Эрнест временно заменял его в делах посольства.

«Это теперь единственный помощник, которого я имею при

себе, — писал Барант—отец министру иностранных дел Тьеру. — Зная Вашу обязательность, я уверен, что Вы примете во внимание его право на назначение вторым секретарём: это будет справедливо по отношению к нему и знаком расположения ко мне».

Так что, Эрнест де Барант вовсе не был «салонным Хлестаковым». Дуэль с Лермонтовым поставила крест на его дипломатической карьере, а новый поединок между французом и русским, да ещё с возможным кровавым исходом, не нужен ни Парижу, ни Петербургу, и Проспер де Барант предпочёл, чтобы его сын как можно скорее покинул Россию. Эрнест вовсе не испугался повторения дуэли с Лермонтовым на пистолетах, а просто поставил интересы родины выше собственного самолюбия. Трус не сделал бы и первого вызова. Это Мишелю, эгоисту до мозга костей, было плевать на все сложности международной политики. Позднее молодой де Барант написал отцу письмо, в котором так описал настроение французского правительства по поводу обострения франко—русских отношений: **«Чаша терпения была переполнена более, чем вы предполагали».**

В свою очередь под ударом оказалась и дипломатическая карьера де Баранта—старшего. Ведь он в качестве посла представлял в России Францию, и до Парижа наверняка скоро дойдут петербургские слухи, что какой—то русский офицеришка самого низкого чина **«посрамил французов»**, да ещё в поединке с его сыном! И это в то время, когда отношения между Францией и Россией и так балансируют на грани разрыва. Под угрозой не только карьера посла, но престиж страны.

Возмущённый де Барант обратился с протестом к министру иностранных дел России графу Карлу Нессельроде, тот послал соответствующий запрос в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Шеф жандармов граф А.Х. Бенкендорф был в дружеских отношениях с кланом Столыпиных и поэтому весьма способствовал смягчению наказания Лермонтова в истории со стихотворением «Смерть поэта». Но в данном случае дело реально шло к международному конфликту, и граф дружбе предпочёл службу, тем более, что уж он—то наверняка точно знал всю правду о дуэли. Поэтому Бенкендорф принял сторону де Барантов и потребовал от Лермонтова написать им письмо с признанием во лжи.

Но Мишель не собирался терять всё, чего достиг. Подобное признание не только навсегда закрыло бы перед ним все двери, как в

дома высшего света, так и в литературу, но и повлекло бы за собой адекватный суровый приговор императора. Лермонтов целую неделю сочинял письмо, но не де Барантам, а великому князю Михаилу, будучи уверенным, что оно попадёт и к царю тоже:

«[Апрель, 1840] Ваше Императорское Высочество!

Признавая в полной мере вину мою и с благоговением покаясь наказанию, возложенному на меня Его Императорским Величеством, я был ободрён до сих пор надеждой иметь возможность усердною службой загладить мой проступок, но, получив приказание явиться к господину генерал-адъютанту графу Бенкендорфу, я из слов его сиятельства увидел, что на мне лежит ещё обвинение в ложном показании, самое тяжкое, какому может подвергнуться человек, дорожащий своей честью.

Граф Бенкендорф предлагал мне написать письмо к Баранту, в котором бы я просил извиненья в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил на воздух. Я не мог на то согласиться, ибо это было бы против моей совести; но теперь мысль, что Его Императорское Величество и Ваше Императорское Высочество, может быть, разделяете сомнение в истине слов моих, мысль эта столь невыносима, что я решился обратиться к Вашему Императорскому Высочеству, зная великодушие и справедливость Вашу и будучи уже не раз благодетельствован Вами, и просить Вас защитить и оправдать меня во мнении Его Императорского Величества, ибо в противном случае теряю невинно и невозвратно имя благородного человека.

Ваше Императорское Высочество, позвольте сказать мне со всею откровенностью: я искренно сожалею, что показание моё оскорбило Баранта; я не предполагал этого, не имел этого намерения, но теперь не могу исправить ошибку посредством лжи, до которой никогда не унижался. Ибо, сказав, что выстрелил на воздух, я сказал истину, готов подтвердить оную честным словом, и доказательством может служить то, что на месте дуэли, когда мой секундант, отставной поручик Столыпин подал мне пистолет, я сказал ему именно, что выстрелю на воздух, что и подтвердит он сам.

Чувствуя в полной мере дерзновение моё, я, однако, осмеливаюсь надеяться, что Ваше Императорское Высочество соизволите

обратить внимание на горестное моё положение и заступлением Вашим восстановить моё доброе имя во мнении Его Императорского Величества и Вашем.

С благоговейною преданностью имею счастье пребыть Вашего Императорского Высочества всепреданнейший

Михаил Лермонтов, Тенгинского пехотного полка поручик».

Портрет А. Столыпина работы Владимира Гау, 1845

Из строк этого письма видно, что никто из участников и свидетелей дуэли не может подтвердить того, что Лермонтов стрелял **«на воздух»**, кроме того самого Алексея Столыпина, что по просьбе бабушки поэта вынужден был брать Мишеля с собою на все великосветские балы и приёмы. Кроме того, называя имя Алексея Столыпина, Лермонтов рассчитывал не только на родственные чувства, но и на репутацию последнего. По отзывам современников, Алексей Столыпин был живым воплощением внешней и внутренней красоты. Вот как характеризует его М. Н. Лонгинов:

«Это был совершеннейший красавец; красота его, мужественная и вместе с тем отличавшаяся какою-то нежностью, была бы названа у французов «proverbiale»... Он был одинаково хорош и в лихом гусарском ментике, и под барашковым кивером нижегородского драгуна, и, наконец, в одеянии современного льва, которым был вполне, но в самом лучшем значении этого слова. Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать Монго — Столыпина — значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощённой

чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на услугу словом и делом».

Конечно, и сам Столыпин был кровно заинтересован, чтобы представитель его рода, которого он к тому же представлял везде как своего ближайшего родственника и лучшего друга, не был объявлен в глазах всего света лжецом. Сохранились показания Алексея Столыпина на суде:

«Направления пистолета поручика Лермонтова при выстреле не могу определить, что могу только сказать, это то, что он не целил в Барона де-Баранта, а выстрелил с руки.

Барон де-Барант, как я выше сказал, целил по слову два и выстрелил по счёту три. Выстрелы же последовали так скоро один за другим, что не могу определить, чей был прежде».

Как видно из этих показаний, Столыпин не подтверждает слова Лермонтова о стрельбе в сторону. Тот стрелял ***«не целясь»***, не более того. Не подтверждает Столыпин и утверждение, что Лермонтов стрелял ***после*** выстрела де Баранта! Другими словами, Алексей Столыпин не пожелал откровенной ложью замарать свою честь, предпочтя уйти от конкретных ответов на вопросы судей. А вот Мишеля подобные «мелочи» ничуть не пугали. Через несколько месяцев, в конце августа 1840 года, Адель Оммер де Гелль, супруга французского консула в Одессе Ксавье Оммер де Гелля, в письме к подруге напишет:

«Я правды так и не добилась. Лермонтов всегда и со всеми лжёт. Такая его система. Все знакомые, имевшие с ним сношения, говоря с его слов, рассказывали все разное».

Алексей Столыпин не был рад тому, что его так бесцеремонно втянули в столь грязную историю, и это значительно охладило его отношение к Мишелю. В дальнейшем, часто находясь рядом с Лермонтовым на Кавказе, в том числе и во время второй, роковой дуэли с Николаем Мартыновым, Столыпин ни разу не упоминает о нём в своих письмах. Конечно, и граф Бенкендорф впоследствии не забыл и не простил Лермонтову такой подставы, перейдя в дальнейшем из стана его защитников в лагерь непримиримых врагов.

Как бы там ни было, но никто, ни великий князь Михаил Павлович, ни сам император Николай I, не были заинтересованы в том, чтобы имя и репутация русского офицера и его боевые качества (умение стрелять и

фехтовать) подвергались какому-либо сомнению, да ещё в глазах французов. К тому же, великий князь являлся прямым начальником поручика Лермонтова по службе в Царском Селе и, следовательно, отвечал за поступки своего подчинённого. Мишеля он хорошо знал, так как тот не раз позволял себе в его присутствии неприлично «шутить»: то маленькую сабельку принесёт на смотр, то, наоборот, сверх меры длинную, тянущуюся за ним по полу, за что не раз сиживал на гауптвахте. Историю с дуэлью постарались замять.

Франц Крюгер — Портрет императора Николая

За три года до этого в подобных же обстоятельствах, после дуэли с Пушкиным, Дантеса выслали из России, хотя «весь высший свет Петербурга» был на его стороне и считал невинно пострадавшим. Теперь же Просперу де Баранту было объявлено, что его сын Эрнест может вернуться в Петербург и даже работать во французском посольстве. Более того, де Барантам были даны самые высокие гарантии, что никаких неприятностей со стороны Лермонтова и уж тем более повторения дуэли на пистолетах не будет. Что это как не явное признание их правоты? В то же время и наказание Лермонтову не было изменено. Но император, как сейчас бы сказали, взял под личный контроль судьбу офицера, поставившего его в столь неприятную ситуацию, да ещё с французами! Он даже прочитал официально опубликованные на тот момент стихи и прозу Лермонтова. В письме к своей супруге, Александре Федоровне, написанном 12–24 июня 1840 года, Николай I дал подробную оценку роману «Герой нашего времени»:

«13 июня 1840 г. 10 ^ 1 / 2. Я работал и читал всего «Героя», который хорошо написан.

14 июня. 3 часа дня. Я работал и продолжал читать сочинение Лермонтова; я нахожу второй том менее удачным, чем первый...

7 часов вечера. За это время я дочитал до конца «Героя» и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое преувеличенное изображение презренных характеров, которое имеется в нынешних иностранных романах. Такие романы портят характер. Ибо хотя такую вещь читают с досадой, но всё-таки она оставляет тягостное впечатление, потому что, в конце концов, привыкаешь думать, что весь мир состоит из подобных людей, у которых даже лучшие на первый взгляд поступки происходят из отвратительных и фальшивых побуждений. Что должно из этого следовать? Презрение или ненависть к человечеству! Но это ли цель нашего пребывания на земле? Ведь и без того есть склонность стать ипохондриком или мизантропом, так зачем же поощряют или развивают подобного рода изображениями эти склонности! Итак, я повторяю, что, по моему убеждению, это жалкая книга, обнаруживающая большую испорченность её автора.

Характер капитана намечен удачно. Когда я начал это сочинение, я надеялся и радовался, думая, что он и будет, вероятно, героем нашего времени, потому что в этом классе есть гораздо более настоящие люди, чем те, которых обыкновенно так называют. В кавказском корпусе, конечно, много таких людей, но их мало кто знает; однако капитан появляется в этом романе как надежда, которой не суждено осуществиться. Господин Лермонтов оказался неспособным представить этот благородный и простой характер; он заменяет его жалкими, очень мало привлекательными личностями, которых нужно было оставить в стороне (даже если они существуют), чтобы не возбуждать досады. Счастливого пути, господин Лермонтов, пусть он очистит себе голову, если это может произойти в среде, где он найдёт людей, чтобы дорисовать до конца характер своего капитана, допуская, что он вообще в состоянии схватить и изобразить его».

Окончательный вердикт государя гласил: было бы гораздо лучше, если бы Лермонтов продолжал писать такие стихи, как «Бородино». Словом, Николай I был разочарован в Лермонтове не только как в офицере, но и как в литераторе, который, по словам некоторых близких к императору людей, мог бы заменить России Пушкина.

Неблагоприятное мнение императора о романе «Герой нашего времени» стало известно, когда уже началась печать второго издания. Лермонтов в срочном порядке пишет предисловие к роману, в котором опровергает свои неоднократные высказывания о собственном сходстве с Печориным и слова Белинского об однотипности героя и его автора. Теперь Печорин, по словам Лермонтова, это — собирательный образ, в котором автор изобразил сборище всех пороков того времени. Предисловие втиснули уже во вторую половину романа.

Собственно, меня данный поступок Мишеля уже не удивляет. То, что он может отказаться от собственных слов, было известно после его объяснений с Эрнестом де Барантом на балу у графини Лаваль. А то, что спасая себя, Мишель легко пожертвует другом, тоже не новость. Можно вспомнить Святослава Раевского, но в данном случае я имею в виду Белинского, с которым Лермонтов вроде как подружился, и чьи слова о сходстве автора романа «Герой нашего времени» с Печориным он ранее никогда не опровергал. Кроме того, когда вышло первое

издание, Лермонтов подарил ближайшим своим друзьям по экземпляру. В том числе и жене князя В. Ф. Одоевского, княгине Ольге Степановне. На заглавном листе этого экземпляра после печатных слов «Герой нашего времени» Лермонтов поставил запятую и прибавил: **«упадает к стопам её прелестного сиятельства умоляя позволить ему не обедать»**. Так что, не думаю, что «хитрость» Мишеля с предисловием ко второму изданию романа кого-либо обманула, разве что тех, кто не знал его лично.

Вторая ссылка

Итак, Лермонтов отправился из Петербурга во вторую ссылку. Как и ранее, он не торопится прибыть к месту назначения и почти на месяц задерживается в Москве. Здесь он посещает балы и приёмы, заводит новые знакомства в литературных кругах и даже присутствует на именинном обеде у Гоголя.

Выехав из Москвы в конце мая 1840 года, Мишель по пути на Кавказ на три дня останавливается в Новочеркасске у своего бывшего командира генерала М. Г. Хомутова и добирается до Ставрополя лишь 10 июня. Здесь Лермонтов встречает своих давних знакомых — Алексея Столыпина (Монго), Льва Сергеевича Пушкина, Сергея Трубецкого, Руфина Дорохова, доктора Майера и многих других. Поэтому отправляться в свой Тенгинский пехотный полк, штаб которого расположен в Анапе, Мишель категорически не хочет и, как и в первую ссылку, дёргает за известные ему ниточки в местных высоких армейских кругах. Генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе позволяет Лермонтову самому выбрать себе место службы, и тот решает присоединиться к чеченскому отряду генерала Аполлона Васильевича Галафеева, тем более, что в нём состоит и друг Мишеля Алексей (Монго) Столыпин. В письме к Алексею Лопухину от 17 июня 1840 года Лермонтов хвастается:

«Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке. Такая каналья этот пророк! Пожалуйста, спусти его с Аспелинда; они там в Чечне не знают индейских петухов, так, авось, это его испугает».

Автопортрет

Начальство позволяет Лермонтову довольно вольно относиться к службе, и тот большую часть времени проводит не в отряде, а в Ставрополе. Но Мишелю всё же пришлось участвовать в экспедициях в Малую и Большую Чечню, а также в походе в Темир — Хан-Шуру. В бою Михаил Лермонтов не раз демонстрировал окружающим личную храбрость. Вот что он сам написал в письме от 12 сентября из Пятигорска Алексею Лопухину:

«Мой милый Алёша. Я уверен, что ты получил письма мои, которые я тебе писал из действующего отряда в Чечне, но уверен также, что ты мне не отвечал, ибо я ничего о тебе не слышу письменно. Пожалуйста, не ленись: ты не можешь вообразить, как тяжела мысль, что друзья нас забывают. С тех пор, как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2 тысячи пехоты, а их до 6 тысяч; и всё время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте, — кажется хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела ещё пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные

— только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галафеева, на левый фланг. Я здесь проведу до конца ноября, а потом не знаю, куда отправлюсь — в Ставрополь, на Чёрное море или в Тифлис. Я вошёл во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдётся удовольствий, которые бы не показались приторными».

Как видно из письма, Лермонтов по-прежнему сам определяет, где хочет служить, и не собирается, как и во время первой ссылки на Кавказ, ехать к месту назначения. При всей его личной храбрости и практически добровольном участии в кровопролитных боях с чеченцами, он остаётся плохим офицером, не желающим подчиняться воинскому уставу и дисциплине: хочу — воюю, хочу — еду на курорт или в Грузию. И всё же император делает ещё одну попытку вразумить нерадивого офицера:

**«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
Император и Самодержец Всероссийский,
и прочая, и прочая, и прочая.**

Известно и ведомо да будет каждому, что МЫ Михаила Лермантова, который НАМ Лейб — Гвардии Корнетом служил, за оказанную его в службе НАШЕЙ ревность и прилежность в НАШИ поручики тысяща восемь сот тридесять девятого года Декабря шестого дня Всемиловитейше пожаловали и учредили; якоже МЫ сим жалует и учреждаем, повелевая всем НАШИМ подданным оного Михаила Лермантова за НАШЕГО поручика Гвардии надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от НАС Всемиловитейше пожалованном чине, так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство чего, МЫ сие Военному Министерству подписать и Государственной НАШЕЮ печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге, лета 1840 Октября 15 дня».

Но Мишель и теперь не внял столь недвусмысленному и прозрачному намёку императора поступать так, «как доброму офицеру надлежит». Вместо того, чтобы, наконец, отправиться в назначенный

ему Тенгинский полк, он решил взять на себя командование отрядом «охотников» раненого на тот момент корнета Дорохова и ещё разок испытать **«сильные ощущения»**. Это было весьма специфическое подразделение русской армии. Некоторые лермонтоведы называют его неким прообразом нынешнего спецназа, но по мне оно больше похоже на карательный отряд. Командовавший им Руфин Иванович Дорохов был человеком огромной храбрости, но, к сожалению, и весьма буйного нрава. Благодаря храбрости в бою он легко получал награды и очередные офицерские звания, но за буйство в быту, по крайней мере, дважды был разжалован в солдаты. Вот и осенью 1840 года Дорохов после очередного разжалования в рядовые старался вернуть себе офицерское звание, занимаясь со своими «охотниками» разведкой и диверсиями в тылу врага. Вот как описывает этот отряд сам Лермонтов в очередном письме Алексею Лопухину:

«Пишу тебе из крепости Грозной, в которую мы, то есть отряд возвратился после 20-дневной экспедиции в Чечне. Не знаю, что будет дальше, а пока судьба меня не очень обижает: я получил в наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, состоящую из ста казаков, — разный сброд, волонтёры, татары и проч., это нечто вроде партизанского отряда, и если мне случится с ним удачно действовать, то авось что-нибудь дадут; я ими только четыре дня в деле командовал и не знаю ещё хорошенько, до какой степени они надёжны; но так как, вероятно, мы будем ещё воевать целую зиму, то я успею их раскусить. Вот тебе обо мне самое интересное.

Писем я ни от тебя, ни от кого другого уж месяца три не получал. Бог знает, что с вами случилось; забыли что ли? или пропадают? Я махнул рукой. Мне тебе нечего много писать: жизнь наша здесь вне войны однообразна, а описывать экспедиции не велят...»

Конечно, то, как отряд Лермонтова вырезает целые селения, начальство описывать не велит, в отличие от настоящих сражений армии с горцами, как при Валерике, например. Хотя, регулярные войска вели себя не намного лучше: тоже разоряли аулы, угоняли скот и уничтожали посевы. Для иллюстрации можно привести отрывки из поэмы Николая Мартынова «Герзель-аул», в которой тот красочно описывает и карательные «подвиги» своего друга Мишеля, и его самого:

«Горит аул не遠далеке...
Там наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.
На всём пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.
Застанем скот — его уводим,
Пожива есть для казаков.
Поля засеянные топчем,
Уничтожаем всё у них...

Мы их травили по долинам
И застигали на горах...

Вот офицер прилёт на бурке
С учёной книгою в руках,
А сам мечтает о мазурке,
О Пятигорске, о балах.
Ему всё грезится блондинка,
В неё он по уши влюблён.
Вот он героем поединка,
Гвардеец, тотчас удалён.
Мечты сменяются мечтами,
Воображенью дан простор,
И путь, усеянный цветами,
Он проскакал во весь опор...»

Лермонтова вполне устраивает роль полновластного командира, действующего практически автономно и бесконтрольно со стороны какого-либо начальства. Однако, сам он, как и его бойцы, не вызывают особого уважения в офицерских кругах. Вот что пишет по этому поводу барон Лев Васильевич Россильон:

«Лермонтова я хорошо помню. Он был неприятный, насмешливый человек, хотел казаться чем-то особенным. Хвастался своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были

храбры, можно было кого-либо удивить ею!

Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врезывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда. Длилось это недолго, впрочем, потому, что Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца. Когда я его видел на Судаке, он был мне противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстёгнутого сюртука поэта, который носил он без эполет, что, впрочем, было на Кавказе в обычае. Гарцевал Лермонтов на белом как снег коне, на котором, молодецки заломив белую холищёвую шапку, бросался на черкесские завалы. Чистое молодечество, ибо кто же кидался на завалы верхом! Мы над ним за это смеялись».

Хотелось бы отметить такой интересный факт: Мишель заменял раненого корнета Дорохова всего пять-шесть дней, но успел совершить нечто такое, что превратило команду «охотников» Дорохова в **«шайку грязных головорезов» с «громким именем Лермонтовского отряда»**. Немного оправившись от ранения, Дорохов поспешил вернуться в отряд. Мишель воевать далее не пожелал и поехал в Крым, где находилась в это время его очередная пассия — Адель Оммер де Гелль, супруга французского консула в Одессе.

Бабушка Лермонтова, конечно, вновь неустанно хлопочет о прощении внука. Но теперь уже граф Бенкендорф не на её стороне, поэтому ни о каком прощении или облегчении наказания речи быть не может. Поняв это, бабушка, вновь ссылаясь на свой преклонный возраст и болезни, просит о предоставлении своему единственному внуку хотя бы отпуска. Однако, чтобы его получить тот должен, наконец, прибыть к месту своего назначения. И вот в последний день 1840 года выходит приказ:

«31 декабря 1840, г. Анапа.

Приказ по Тенгинскому пехотному полку за № 365:

Прибывшего в полк из командировки поручика Лермонтова предписываю исключить из командировочной ведомости, зачислить налицо.

За командира полка

Полковник Голубицкий — Лебединский».

Восемь месяцев опальный поручик Лермонтов добирался до места назначения! И всё это время он, конечно, исправно получал немалое офицерское жалованье в 250 рублей в месяц. Но и в Тенгинском полку Мишель задерживаться не стал, ведь он прибыл в него только для того, чтобы оформить отпуск. Отпраздновав с новыми сослуживцами свой приезд, он немедленно уезжает в Ставрополь, чтобы навести в штабе командующего войсками генерала Граббе справки о своём предполагаемом отпуске. Вот как описывает это Костенецкий, бывший в ту пору старшим адъютантом и заведующим первым, то есть строевым отделением штаба:

«Однажды входит ко мне в канцелярию штаба офицер в полной форме и рекомендует поручиком Тенгинского пехотного полка Лермонтовым...»

После этого он объяснил мне свою надобность, приведшую его в канцелярию штаба: ему хотелось знать, что сделано по запросу об нём военного министра. Я как-то и не помнил этой бумаги, велел писарю отыскать её, и когда писарь принёс мне бумагу, то я прочитал её Лермонтову. В бумаге этой к командующему войсками военный министр писал, что государь император, вследствие ходатайства бабки поручика Тенгинского полка Лермонтова (такой-то, не помню фамилии) об отпуске его в С. — Петербург для свидания с нею, приказал узнать о службе, поведении и образе жизни означенного офицера.

— Что же вы будете отвечать на это? — спросил меня Лермонтов.

По обыкновению в штабе, по некоторым бумагам, не требующим какой-либо особенной отписки, писаря сами составляли черновые отпуски, и вот в эту-то категорию попал как-то случайно и запрос министра о Лермонтове, и писарь начернил и ответ на него.

— А вот вам и ответ, — сказал я засмеявшись, и начал читать Лермонтову черновой отпуск, составленный писарем, в котором было сказано, что такой-то поручик Лермонтов служит исправно, ведёт жизнь трезвую и добропорядочную и ни в каких злокачественных поступках не замечен... Лермонтов расхохотался

над такой его аттестацией и просил меня нисколько не изменять её выражений и этими же самыми словами отвечать министру, чего, разумеется, нельзя было так оставить.

После этого тотчас же был послан министру самый лестный об нём отзыв, вследствие которого и был разрешён ему двадцативосьмидневный отпуск в Петербург».

Как говорится, комментарии излишни.

Петербург, 1841 год

14 января 1841 года Лермонтов отбыл из полка в отпуск, в Москву он прибыл 30 января, а уже в начале февраля, на Масленицу, объявился в Санкт — Петербурге, где немедленно бросился посещать балы и приёмы. О заботливой бабушке он даже не вспоминает! Однако, бравируя своим боевым опытом, Мишель совершает роковую ошибку — является на балы в армейском мундире и тем самым обращает на себя внимание не только восторженных дам, но и членов императорской семьи, возмущившихся столь наглым и дерзким поведением ссыльного офицера. Известный библиограф и писатель М. Н. Лонгинов так вспоминал позже о тех событиях:

«Он был тогда на той высшей степени апогея своей известности, до которой ему только суждено было дожить. Петербургский «beau-monde» встретил его с увлечением; он сейчас вошёл в моду и стал являться по приглашениям на балы, где бывал Двор. Но всё это было непродолжительно. В одно утро, после бала, кажется, у графа С. С. Уварова, на котором был Лермонтов, его позвали к тогдашнему дежурному генералу графу Клейнмихелю, который объявил ему, что он уволен в отпуск лишь для свидания с «бабушкой», и что в его положении неприлично разъезжать по праздникам, особенно когда на них бывает Двор, и что поэтому он должен воздержаться от посещения таких собраний. Лермонтов, тщеславный и любивший светские успехи, был этим чрезвычайно огорчён и оскорблён, в совершенную противоположность тому, что выражено в написанном им около этого времени стихотворении: «Я не хочу, чтоб свет узнал»».

Более того, вызвав раздражение Двора своим вызывающим поведением, Лермонтов лишил себя не только возможности отмены или смягчения условий ссылки, как это было в прошлый раз, но и заслуженной в боях награды. Николай I щедро награждал героев кавказских сражений. Алексей (Монго) Столыпин, например, тоже принимал участие в Галафеевской экспедиции 1840 года, храбро сражался с горцами и получил высокую по тому времени награду — орден Владимира 4-й степени с бантом. А вот имя Михаила Лермонтова император собственноручно вычеркнул из списка награждённых. Граф

Клейнмихель писал по этому поводу генералу Граббе:

«Милостивый государь Евгений Александрович!

В представлении от 5-го минувшего Марта № 458 ваше высокопревосходительство изволили ходатайствовать о награждении, в числе других чинов, переведённого 13-го апреля 1840 года за проступок л. — гв. из Гусарского полка в Тенгинский пехотный полк, поручика Лермонтова орденом св. Станислава 3-й степени, за отличие, оказанное им в экспедиции против горцев 1840 года.

Государь император, по рассмотрении доставленного о сём офицере списка, не изволил изъявить монаршего соизволения на испрашиваемую ему награду. При сём его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку.

О таковой монаршей воле имею честь вас уведомить.

Подлинное подписал Граф Клейнмихель».

Таким образом, получается, что Лермонтов вдобавок подставил в глазах императора своего благодетеля, генерала Граббе, позволившего ему вести довольно вольную жизнь на Кавказе. Но Мишель в собственном эгоизме как будто этого вовсе не замечает. Вот что он пишет своему кавказскому сослуживцу Д. С. Бибикову по данному поводу:

«Милый Биби.

Насилу собрался писать к тебе; начну с того, что объясню тайну моего отпуска: бабушка моя просила о прощении моём, а мне дали отпуск; но скоро еду опять к вам, и здесь остаться у меня нет никакой надежды, ибо я сделал вот какие беды: приехав сюда в Петербург на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал; обществом зато я был принят очень хорошо, и у меня началась новая драма,

которой завязка очень замечательная, зато развязки, вероятно, не будет, ибо 9 марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня здесь вычеркнули, так что даже я не буду иметь утешения носить красной ленточки, когда надену штатский сюртук».

Но 9 марта Лермонтов из Петербурга не уехал! Он понял, что теперь на Кавказе у него не будет той вольности, что ранее, и придётся «тянуть лямку» армейской службы наравне с другими офицерами в назначенном ему полку. И Мишель начинает под всяческими благовидными предложениями откладывать свой отъезд. Вот как описывает этот период в письме своему другу, французскому писателю Александру Дюма, графиня Евдокия Ростопчина:

«Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых было сначала отказано; их взяли потом штурмом, благодаря высоким протекциям. Лермонтову очень не хотелось ехать...».

Наглость и лицемерие Мишеля просто поражают! Ему предоставили отпуск из ссылки для свидания с престарелой и больной бабушкой, а он, вместо того, чтобы немедленно ехать к ней, развлекается на балах в столице, якобы ожидая её приезда к нему в Петербург. Подобный «аргумент», возможно, казался вполне естественным графине Ростопчиной, но никак не мог обмануть власти, которые, тем не менее, терпели явное неповиновение и без того опального офицера ещё почти месяц, до самого последнего дня апреля. Вот отрывок из воспоминаний А. А. Краевского:

«Он рвёт и мечет, снуёт по комнате, разбрасывает бумаги и вновь убегает. По прошествии известного времени он опять тут. Опять та же песня и катанье по широкому моему дивану. Я был занят; меня досада взяла:

— Да скажи ты ради Бога, что с тобою, отвяжись, дай поработать!

Михаил Юрьевич вскочил, подбежал ко мне и, схватив за борты сюртука, потряс так, что чуть не свалил меня со стула.

— Понимаешь ли ты! Мне велят выехать в 48 часов из Петербурга.

Оказалось, что его разбудили рано утром: Клейнмихель

приказывал покинуть столицу в двадцать четыре часа и ехать в полк в Шуру. Дело это вышло по настоянию гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощении Лермонтова и выпуске его в отставку».

Конечно, легче всего обвинять во всём графа Бенкендорфа. Но даже если тот и приложил руку к высылке Лермонтова из столицы, то вовсе не потому, что хотел как-то насолить или отомстить Мишелю. Срок отпуска давно прошёл. Формальную причину, по которой он был предоставлен, Мишель демонстративно проигнорировал, вызвав при этом недовольство Двора. В прежние годы Бенкендорф помогал Мишелю, старался максимально смягчить его проступки в глазах императора, из-за чего первая ссылка Лермонтова превратилась в туристическую поездку по Кавказу и была досрочно отменена, даже несмотря на тот факт, что опальный офицер так и не соизволил доехать до места назначения. Однако на этот раз, ни о какой защите или снисхождении по понятным причинам и речи быть не могло.

2 мая 1841 года Лермонтов выехал из Петербурга в Москву. Трясаясь в почтовой карете на ухабах и, вдобавок от злости, Мишель сочинил весьма злые стихи на графа Бенкендорфа. Себя, естественно, он, как обычно, считает жертвой обстоятельств и интриг.

Вторая дуэль

Из Москвы Лермонтов выехал на Кавказ в сопровождении всё того же Алексея Столыпина, которого заботливая бабушка попросила приглядеть за своим непутёвым внуком, чтобы тот опять не вляпался в какую-нибудь историю. Как и ранее, Лермонтов не торопился к месту службы, а потому друзья ехали не спеша, с остановками во всех встречных городах.

Прибыв, наконец, в Ставрополь, Лермонтов доложил, как положено, начальству, но отправляться далее, в Шуру, не пожелал, несмотря на настояния Алексея Столыпина. Генерала Граббе на тот момент на месте не было, он уехал в отряд. Но, думаю, даже если бы генерал находился в штабе, то вряд ли и в этот раз предоставил Лермонтову свободу выбора места службы. Как бы там ни было, Мишель применил способ, которым не раз пользовался ранее: пошёл к врачу, взял у того свидетельство о болезни и получил у начальника штаба флигель-адъютанта Траскина новое предписание — отправиться на лечение в Пятигорск, куда тут же и поехал в сопровождении Алексея Столыпина. Почему Лермонтов выбрал именно Пятигорск? Да потому что это был самый весёлый город на Северном Кавказе. Вот как описывает его тогдашние реалии Н.П. Раевский:

«В Пятигорске была жизнь весёлая, привольная; нравы были просты, как в Аркадии. Танцевали мы много, и всегда по простоте. Играет, бывало, музыка на бульваре, играет, а после перетащим мы её в гостиницу к Найтаки, барышень просим прямо с бульвара, без нарядов, ну вот и бал по вдохновению. А в соседней комнате содержатель гостиницы уж нам и ужин готовит. А когда, бывало, затеет начальство настоящий бал, и гостиница уж не трактир, а благородное собрание, — мы, случалось, барышням нашим, которые победней, и платица даривали. Термалама, мовь и канаус в ход шли, чтобы перед наезжими щёголихами барышни наши не сконфузились. И танцевали мы на этих балах все, бывало, с нашими; таков и обычай был, чтобы в обиду не давать.

Зато и слава была у Пятигорска. Всякий туда норовил. Бывало, комендант вышет к месту служения; крутишься, крутишься, дельце сварганишь, — ан и опять в Пятигорск. В таких делах нам

много доктор Ребров помогал. Бывало, подластишься к нему, он даст свидетельство о болезни, отправит в госпиталь на два дня, а после и домой, за неимением в госпитале места. К таким уловкам и Михаил Юрьевич не раз прибегал».

Конечно, пятигорские балы не идут ни в какое сравнение с петербургскими, но по сравнению с рутинной и трудностями полковой службы и они любому покажутся сущим раем, тем более — ненавидящему армейскую дисциплину Мишелю. Однако натуру Лермонтова в Пятигорске давно знают и отнюдь его приезду не рады. Плац-майор В. И. Чилаев, в доме которого Мишель провёл последние два месяца своей жизни, вспоминал:

«Первую ночь по приезде в Пятигорск они ночевали в гостинице Найтаки. На другой день утром, часов в девять, явились в комендантское управление. Полковник Ильяшенков, человек старого закала, недалёкий и боязливый до трусости, находился уже в кабинете. По докладе плац-адъютанта о том, что в Пятигорск приехал Лермонтов со Столыпиным, он схватился за голову обеими руками и, вскочив с кресла, живо проговорил:

— Ну, вот опять этот сорвиголова к нам пожаловал!.. Зачем это?

— Приехал на воды, — отвечал плац-адъютант.

— Шалить и бедокурить! — вспылil старик. — А мы отвечай потом!.. Да у нас и мест нет в госпитале, нельзя ли их спровадить в Егорьевск?... А?... Я даже не знаю, право, что нам с ними делать?

— Будем смотреть построже, — проговорил почтительно докладчик, — а не принять нельзя, у них есть разрешение начальника штаба и медицинские свидетельства о необходимости лечения водами...»

Как видно из этой цитаты, имевший высоких покровителей вроде как ссыльный офицер Михаил Лермонтов уже и ранее успел значительно попортить кровь пятигорскому начальству, которое, оказывается, не имело ни власти, ни возможности пресечь его «шалости» на корню. А как именно развлекался Мишель, общеизвестно — злословие в адрес окружающих, что в конечном итоге всегда приводило к ссорам. Конфликт с де Барантом — наиболее яркий и показательный пример. Опасения полковника Ильяшенкова оправдались в полной мере. Вот что вспоминала о том времени Эмилия

Шан — Гирей:

«В мае месяце 1841 года М. Ю. Лермонтов приехал в Пятигорск и был представлен нам в числе прочей молодёжи.

Он нисколько не ухаживал за мной, а находил особенное удовольствие me taquiner. Я отделялась как могла то шуткою, то молчаньем, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец это мне надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое. Но, по-видимому, игра эта его забавляла просто от нечего делать, и он не переставал меня злить. Однажды он довёл меня почти до слёз; я вспыхнула и сказала, что ежели б я была мужчина, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его из-за угла в упор. Он как будто остался доволен, что наконец вывел меня из терпения, просил прощенья, и мы помирились, конечно, не надолго».

Князь А. И. Васильчиков

Как видите, Лермонтов не желал учиться на собственных ошибках и продолжал изводить окружающих злыми насмешками. Не избежал их и князь Александр Васильчиков. По словам В. И. Чилыева, князь в первое время часто бывал у Лермонтова, они вместе совершали прогулки. Встречаясь с Мишелем в гостиных общих знакомых, Васильчиков выслушивал, не обижаясь, от него всевозможные шутки, остроты и замечания, пытался отшучиваться в ответ. Но вскоре князю всё это перестало нравиться. Лермонтов бросал ему в глаза клички: «Князь Ксандр», «Дон — Кихот иезуитизма», «князь-пустельга», «дипломат не у дел», «мученик фавора» и другие. Васильчиков оставался вежлив и сдержан, но частые ранее визиты и беседы прекратились, на верзилинские и другие вечера, где присутствовал

Лермонтов, он стал приходить изредка и ненадолго. Внешние отношения оставались те же, но близкая товарищеская связь была порвана. И всё же именно князя Васильчикова Лермонтов выберет вскоре своим секундантом, и тот ему в этом не откажет.

Н. С. Мартынов. Акварель Томаса Райта. 1843 г.

Довольно скоро очередь дошла и до Николая Мартынова. Они действительно были с Лермонтовым давними друзьями и извечными соперниками во всём: учебных поединках, литературном творчестве, успехах у дам, в служебных достижениях. Это, по-видимому, явилось дополнительной причиной того, почему Лермонтов среди всех

присутствовавших в то время в Пятигорске людей, выбрал для издевательств именно Николая Мартынова. Мишелю, наверно, просто физически было необходимо продемонстрировать собственное превосходство над очевидно более успешным соперником. А то, что Мартынов во всём превосходил Лермонтова, было ясно всем, и в первую очередь — самому Мишелю, чего он, конечно, никак не мог стерпеть. Во-первых, в двадцать пять лет Мартынов уже проявил себя храбрым командиром в войне на Кавказе, был награждён боевым орденом и званием майора, в то время как окончивший военную школу на год ранее него Лермонтов никаких наград не имел и дослужился всего лишь до поручика. Во-вторых, красавец Мартынов просто затмевал невзрачного Мишеля, пользовался успехом у женщин, хорошо танцевал, неплохо пел и тоже писал стихи. Вот как описывает его С. Н. Филиппов в статье «Лермонтов на Кавказских водах», опубликованной в 1890 году в журнале «Русская мысль»:

«Тогда у нас на водах он (Николай Мартынов — С. К.) был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, чёрная, серая и к ним шёлковые архалуки такие же или ещё синие. Папаха самого лучшего каракуля, чёрная или белая. И всегда всё это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь...»

Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т. е. его острого языка, насмешек, каламбуров...»

Пятигорское «общество» обычно собиралось в доме трёх сестёр Верзилиных. Танцевали, играли в карты, веселились, кто как мог. Вот там Мишель и начал ежедневно, неустанно изводить насмешками Николая Мартынова. Вышедший недавно в отставку майор хотел жениться и завести семью. Ему понравилась младшая из сестёр, Надежда Верзилина, и он начал ухаживать за ней. Конечно, в таких обстоятельствах Мартынову весьма досаждали публичные и при этом

злые насмешки Лермонтова. Но он терпел, несколько раз по-дружески просил Мишеля прекратить их, однако тот не унимался. Наконец, терпение майора закончилось. На одном из балов, когда очередная злая шутка Лермонтова прозвучала на весь зал, Мартынов побледнел, подошел к Лермонтову и в явном раздражении сказал:

— Сколько раз я просил не шутить обо мне при дамах...

Когда майор отошёл, Лермонтов только улыбнулся:

— Ничего, завтра опять мы будем добрыми друзьями.

Позднее, на том же вечере, Лермонтов на ломберном столе нарисовал Мартынова с засученными рукавами и с большим кинжалом, потом подозвал Надежду Верзилину и показал ей эту карикатуру. При этом Мишель насмешливо спросил:

— Возможно ли, чтобы вы с ним соединились?

Девушка вспыхнула и отошла в сторону. Эта сцена, которую не мог не видеть Николай Мартынов, явилась для майора последней каплей, переполнившей чашу терпения. На следствии Н. С. Мартынов 17 июля 1841 года дал показания о том, что случилось позднее:

М. П. Глебов

«Я решился положить этому конец. При выходе из этого дома, я удержал его за руку, чтобы он шёл рядом со мной; остальные все уже были впереди. Тут, я сказал ему, что я прежде просил его, прекратить эти несносные для меня шутки, но что теперь предупреждаю, что если он ещё раз вздумает выбрать меня предметом для своей остроты, то я заставлю его перестать. Он не давал мне кончить и повторял раз сряду: что ему тон моей проповеди не нравится; что я не могу запретить ему говорить про меня то, что он хочет, и в довершение сказал мне: «Вместо пустых

угроз, ты гораздо бы лучше сделал, если бы действовал. Ты знаешь, что я от дуэлей никогда не отказываюсь, следовательно, ты никого этим не испугаешь».

В это время мы подошли к его дому. Я сказал ему, что в таком случае пришло к нему своего Секунданта, и возвратился к себе. Раздеваясь, я велел человеку, попросить ко мне Глебова, когда он придет домой. Через четверть часа вошёл ко мне в комнату Глебов, я объяснил ему, в чём дело; просил его быть моим Секундантом и по получении от него согласия, сказал ему, чтобы он на другой же день с рассветом, отправился к Лермонтову. Глебов попробовал было меня уговаривать, но я решительно объявил ему, что он из слов самого же Лермонтова увидит, что в сущности, не я вызываю, но меня вызывают, и что потому мне не возможно сделать первому, шаг к примирению».

Дуэль состоялась во вторник 15 июля 1841 года между шестью и семью часами вечера. Это самый загадочный поединок в истории русских дуэлей, потому что долгое время не было точно известно место её проведения, а количество участников вызывает споры историков до сих пор. Точно известны только имена секундантов — князь А. И. Васильчиков и корнет М. П. Глебов. Постоянный спутник Лермонтова Алексей Столыпин вроде как отсутствовал, что само по себе просто невероятно. Обязательного в таких случаях врача почему-то тоже не было!

После последней ссоры с Мартыновым Лермонтов вернулся к себе в Железноводск и купил там билеты на пять лечебных водяных сеансов. Днём 15 июля Мишель побывал на пикнике в шотландской колонии в Карасе, плотно пообедал, не заботясь о возможном ранении в живот, и спокойно отправился к месту дуэли. Или он наивно верил в то, что **«завтра опять мы будем добрыми друзьями»**, или, как и герой его повести, был фаталистом. После многих кровопролитных сражений, в которых Лермонтов ни разу не был даже ранен, он уверовал в собственную неуязвимость, а потому не принял всерьёз вызов Мартынова.

А вот Николай Мартынов вынужден был вести себя иначе. Спустя много лет он рассказывал Д. А. Столыпину, что **«отнёсся к поединку серьёзно, потому что не хотел впоследствии подвергаться**

насмешкам, которыми вообще осыпают людей, делающих дуэль предлогом к бесполезной трате пыжей и гомерическим попойкам».

Кроме того, расслабляться не позволяли выдвинутые Лермонтовым весьма жёсткие условия дуэли: стреляться до трёх раз при барьерах в 15 шагов (10,5 метра). Очевидно, выдвигая подобные условия, Лермонтов воображал себя Печориным, а Мартынова — Грушницким. И результат дуэли, наверно, виделся ему таким же, как он описал его в своём романе «Герой нашего времени».

Аналогий много. Грушницкий моложе и внешне красивее Печорина. Он позже получает офицерское звание, но уже имеет награду за храбрость — георгиевский крест. Грушницкий, как и Мартынов, просто принуждён к дуэли необходимостью защищать собственную честь в глазах товарищей и общества. Точно так же вынужден он и согласиться на явно смертельные условия.

И хоть Лермонтов постарался изобразить Грушницкого трусом и подлецом, вдумчивый читатель никак не может согласиться с подобной оценкой. Ведь Грушницкий вовсе не лгун и не подлец. И он, и драгунский капитан говорили чистую правду, так как были искренне уверены, что Печорин на их глазах выходил ночью от княжны Мери. От кого же ещё? Истинную любовницу Печорина никто из них не мог даже заподозрить в подобной связи, а вот за княжной Мери тот демонстративно ухаживал.

Но, несмотря на все гадости, что Печорин сделал Мери и Грушницкому, последний яро спорил с капитаном и долго не соглашался на дуэль. И вовсе, как вы понимаете, не из трусости, раз уж он являлся георгиевским кавалером, а в пистолете противника должна была отсутствовать пуля. Это Печорин настоял на поединке, практически точно так же, как сам Лермонтов вынудил Мартынова сделать вызов. Даже перед самой дуэлью Грушницкий всё ещё готов был на примирение. На предложение доктора Вернера окончить поединок миром, он отвечает:

«Объясните ваши условия, и всё, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...».

Но Печорин отверг предложенный мир и выставил неприемлемые условия прекращения дуэли: потребовал от Грушницкого публичного признания во лжи, в то время как тот был полностью уверен в собственной правоте! И всё же Грушницкий нашёл в себе силы

выстрелить мимо, потому что промахнуться в тех условиях было невозможно даже штатскому, впервые взявшему пистолет в руки. И уж тем более не мог дать промах боевой офицер, почти год проводивший в стычках с черкесами, награждённый «георгием» за храбрость. Грушницкий пощадил Печорина, публично оскорбившего его обвинением во лжи, разрушившего его счастье, предавшего былую дружбу, опозорившего его любимую. А вот Печорин не промахнулся. Так кто же из них двоих — подлец?

Однако, жизнь — это не роман. Отсутствие на месте поединка доктора говорит о том, что все её участники рассчитывали на мирный исход. Трагические последствия не нужны никому, в первую очередь самому Лермонтову, и так официально отбывающему ссылку за дуэль. На этот раз в случае огласки он получил бы каторгу или пожизненно попал в солдаты. А ведь Мишель планировал выйти в отставку и написать грандиозный роман-эпопею, чего конечно не мог бы исполнить в случае разжалования в рядовые. Князю Васильчикову, корнету Глебову и другим секундантам и свидетелям дуэли, оставшимся официально неназванными, тоже грозило серьёзное наказание. Очевидно, что сам факт поединка изначально планировали скрыть, поэтому не только врача, но и слуг с собой не взяли. Все участники дуэли рассчитывали на примирение сторон и даже привезли на место дуэли ящик шампанского, чтобы отпраздновать благополучное разрешение конфликта.

Дуэль началась, но никто не стреляет! Почему не стрелял Лермонтов? Хотел, как Печорин, поставить эффектную точку после промаха Мартынова? Это при таких-то условиях дуэли? Любой промах превратит её в фарс, а Мартынова — во всеобщее посмеище. Но, тем не менее, Мартынов, как и Грушницкий, медлит, всё ещё надеясь на мирный исход. Однако Лермонтов, вопреки ожиданиям, не извинился и не сделал никакой попытки примирения. Время идёт, начался дождь с грозой. Потеряв терпение, кто-то из секундантов крикнул:

— Стреляйте, или я развожу дуэль!

На что Лермонтов с высокомерным презрением громко ответил:

— Стану я стрелять в такого дурака!

Ещё одного оскорбления Мартынов снести уже не смог. Как он говорил позже: **«Я вспыл. Ни секундантами, ни дуэлью не шутят... и опустил курок».**

Когда Лермонтов упал, Мартынов подошёл к нему, попросил прощения, поцеловал и быстро уехал. Этот поцелуй позднее поклонники поэта назовут «поцелуем Иуды». С чего вдруг у них возникла подобная аналогия, понять трудно. Ведь это Мишель предал дружбу с Мартыновым. Мнение же, что поэту позволено больше, чем другим, я не разделяю, если речь, конечно, не идёт о творчестве.

Секунданты, видимо, были в шоке от произошедшего. Они даже не стали проверять, жив ли Лермонтов, и уехали сразу же вслед за Мартыновым. Позднее, на суде, и князь Васильчиков, и корнет Глебов уверяли, что Лермонтов умер сразу. Почему они не забрали тело с собой, а оставили его лежать под проливным дождём? Это же были самые близкие на тот момент друзья Мишеля, раз их пригласили в секунданты и организаторы дуэли, факт которой необходимо было бы в дальнейшем скрывать. Объяснение, на мой взгляд, может быть только одно: они возненавидели Лермонтова за то, что тот в одночасье разрушил их карьеры и планы на будущее, ведь теперь их ждало неизбежное наказание за участие в дуэли со смертельным исходом.

Вернувшись в город, они приказали слугам доставить тело Лермонтова, указав, где его искать. Пока те нашли арбу, пока доехали до места дуэли, прошло три часа. Слуга Михаила Лермонтова Христофор Саникидзе говорил позднее, что его хозяин был ещё жив, когда его нашли, громко стонал и умер лишь на полпути в город. О чём думал Мишель в свои последние часы, брошенный умирать в одиночестве под холодным дождём ближайшими друзьями, среди которых по некоторым данным был и Алексей Столыпин? Кого винил в произошедшем?

Лермонтоведы упорно продвигают версию, что бездарь Мартынов убил Лермонтова из зависти к литературным успехам последнего. По их мнению, повод для дуэли — ничтожен, значит, «логически» выводят они, у Мартынова были иные причины для убийства Лермонтова. А какие могут быть иные причины? Выбор невелик: либо зависть, либо некто (понимай — император) руками глупого майора убрал «неудобного поэта». Но поставьте себя на место Эрнеста де Баранта, Николая Мартынова или любого другого, кого Мишель публично оскорблял и изводил насмешками. Покажется ли вам тогда повод дуэли ничтожным? Вот как рассказывал о своей встрече с уже престарелым Николаем Мартыновым граф А. А.Игнатъев, автор известной книги

воспоминаний «Пятьдесят лет в строю»:

«Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять:

— Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?!

— Господа, — сказал он, — если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом... Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке...»

Конечно, можно не верить Мартынову, но есть ещё мемуары бывшего сослуживца Лермонтова, свидетеля тех событий в Пятигорске, всё того же Александра Арнольди:

«Мы все, его товарищи-офицеры, нисколько не были удивлены тем, что его убил на дуэли Мартынов... не Мартынов, так другой кто-нибудь...»

А вот воспоминания ещё одного очевидца, В. Эрастова:

«От него [Лермонтова — С. К.] в Пятигорске никому прохода не было. Каверзник был, всем досаждал. Поэт, поэт!.. Мало что поэт. Эка штука! Всяк себя поэтом назовёт, чтобы другим неприятности наносить...»

Вы думаете, все тогда плакали? Никто не плакал. Все радовались... От насмешек его избавились. Он над каждым смеялся. Приятно, думаете, насмешки его переносить? На всех карикатуры выдумывал. Язвительный был...

[Я] видел, как его везли возле окон моих. Арба короткая... Ноги вперёд висят, голова сзади болтается. Никто ему не сочувствовал».

По словам же князя Александра Васильчикова, бывшего во время той роковой дуэли секундантом, высшее петербургское общество встретило известие о гибели Лермонтова словами: *«Туда ему и дорога...»*. Так что причина для дуэли у Николая Мартынова была вполне веская.

На суде каждый из секундантов, и князь Васильчиков, и корнет Глебов, заявлял, что именно он оставался с телом Лермонтова, после

того, как все остальные уехали, и эта путаница нагляднее всего свидетельствует о том, что Мишеля бросили, как бродячую собаку, подышать в одиночестве. Более того, эти записные друзья Лермонтова сразу же после дуэли дружно бросились спасать Мартынова! Давали ему советы, как лучше всего себя вести, в какие инстанции обращаться, что говорить на суде. В том числе и ближайший друг и родственник Мишеля — Алексей (Монго) Столыпин! Ни у кого из них не было никаких претензий к Николаю Мартынову. Что это, как не явное признание его правоты, а значит, и достаточной весомости повода для дуэли со смертельным исходом? От Печорина в подобной ситуации после смерти Грушницкого отвернулись все, даже доктор Вернер.

В соответствии со «Сводом военных постановлений» суд приговорил Мартынова, Глебова и Васильчикова к **«лишению чинов и прав состояния»**. Военное начальство, однако, приняв во внимание обстоятельства дуэли, сочло нужным смягчить наказание: Мартынова было приказано лишить **«чина, ордена и написать в солдаты до выслуги без лишения дворянского достоинства»**, а Васильчикова и Глебова **«перевести из гвардии в армию тем же чином»**.

Бенкендорф доложил все подробности дела императору, и тот, наверно, весьма недовольный тем, что Лермонтов вместо исправной службы по месту назначения и искупления вины за дуэль с де Барантом, развлекался на балах в Пятигорске и своим недостойным русского офицера поведением вновь спровоцировал дуэль, постановил:

«Майора Мартынова посадить в Киевскую крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию. Титулярного же советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной тяжёлой раны».

Несмотря на столь мягкий приговор императора, жизнь и карьера Николая Мартынова были разрушены. Он даже не мог, как просил, смыть свою вину кровью на полях сражений, потому что ему не разрешили вернуться в армию. Глебов и Васильчиков тоже в дальнейшем были вынуждены не один год отмыться от участия в той роковой дуэли. Словом, даже после смерти, Лермонтов продолжал приносить людям несчастье.

Сразу после снятия церковного наказания Николай Мартынов женился на Софье Проскур — Сущанской и вернулся из Киева в своё

родовое имение в Нижегородской губернии. Михаил Лермонтов не оставил после себя потомства, а вот у Николая Мартынова было одиннадцать детей.

Создание мифа

У выдающихся людей после смерти всегда вдруг появляется множество друзей, имени которых они порой при жизни даже и не знали. Это понятно — людям лестно приблизиться к знаменитости и тем самым несколько повысить и свою значимость в глазах окружающих. А вот в случае с Михаилом Лермонтовым наблюдается совершенно противоположное явление. Тот же Александр Арнольди в своих мемуарах не раз пишет, что ни он, ни другие сослуживцы Лермонтова не видели в нём особых достоинств. А ведь эти мемуары написаны уже после того, как Лермонтова провозгласили одним из выдающихся поэтов России! Но Арнольди и некоторые другие, весьма немногочисленные мемуаристы, лично знавшие Лермонтова, не записывают себя в его друзья. Более того, те, кого сам Мишель считал своими друзьями, вовсе не пожелали оставить о нём никаких положительных воспоминаний, ни устных, ни письменных! Даже Алексей Столыпин, который, уже живя в Париже, перевёл на французский язык роман «Герой нашего времени», не написал о самом Лермонтове ни строчки. Невольно вспоминается русская пословица: о мёртвых либо хорошо, либо ничего. Владимир Бондаренко в своей книге «Лермонтов» возмущается поведением друзей Мишеля после роковой дуэли с Мартыновым:

«Лично меня поражает и задевает больше всех поведение Алексея Столыпина, вроде бы близкого друга и родственника поэта. Вроде бы благородного и порядочного человека. Что бы ни случилось, как бы он ни обмешурился, каких бы ошибок невольных ни наделал, имей мужество признать их, опиши для истории, как было дело. Если он и впрямь не участвовал в дуэли, опиши и это. Если участвовал и скрыл от начальства, спасая своё сытое благополучное положение, напиши для потомков. В конце концов, даже доставить имущество убитого родственника на родину к бабушке поэта он должен был. Говорят, Дорохов тоже присутствовал на дуэли и позже всё рассказал Дружинину. Дружинин был поражён признаниями Дорохова... но тоже так ничего и не написал. Трубецкой и Глебов молчали, как заговорённые. Неужели это и есть дворянская честь? Не сказать никому ни слова об убийстве великого

поэта».

Конечно, Бондаренко не понимает поведение друзей Лермонтова и участников дуэли! Потому что ориентируется на миф о «храбром и благородном» поэте Лермонтове и «трусливом завистнике» Мартынове. Если же непредвзято взглянуть на факты, то все вопросы тут же исчезают, и в поведении и поступках окружавших Лермонтова людей появляются и логика, и закономерность. Вовсе не в великого поэта стрелял на той дуэли Николай Мартынов, и все, хорошо знавшие Мишеля люди, это понимали. Потому и молчали всю жизнь.

Это дружное молчание ближайших знакомых Лермонтова привело к парадоксальной ситуации — отсутствию официальной биографии поэта аж до конца XIX века. Сборники стихов и прочие сочинения Лермонтова издавались без сведений об авторе. Избранные стихотворения и отрывки из «Героя нашего времени» помещались в хрестоматиях, сочинения регулярно переиздавались, но никто ничего не мог сказать о личности самого Лермонтова. А что, собственно, мог узнать и написать потенциальный биограф? Только то, что Лермонтов не закончил пансион, был практически выгнан из московского университета, дважды отправлен в ссылку и дважды же спровоцировал дуэль, на последней из которых погиб от руки друга. И всё это за неполные двадцать семь лет. Кто же из поклонников творчества Лермонтова такое напишет, а тем более опубликует?

Висковатов (Висковатый) Павел Александрович

И всё же нашёлся человек, взявшийся за нелёгкий труд написания биографии Михаила Лермонтова. Висковатов (Висковатый) Павел Александрович — историк литературы (1842 — 1905), учился в Петербургском университете и в Германии. Одно время редактировал «Русский Мир», был профессором русской словесности в Дерптском университете, затем директором гимназии в Петербурге. Большой почитатель творчества Лермонтова, Висковатый начал поиск и сбор материалов, но, как и его предшественники, столкнулся либо с молчанием, либо с недоброжелательными для Лермонтова отзывами, слухами и сплетнями.

Но Висковатый не сдался, нашёл выход из положения, и в 1891 году, через пятьдесят лет после смерти, наконец, вышла первая биография поэта — миф, в котором Михаил Лермонтов предстал в мученическом образе несправедливо гонимого властью и обществом поэта, чья известность уже при его жизни была сравнима с известностью и литературной славой Александра Пушкина. Этот миф, старательно созданный Висковатым, в дальнейшем только укреплялся,

обрастал новыми мифами и ныне официально принят историками и литературоведами. Правда об истинном облике Мишеля яростно отвергается, все известные события трактуются только в пользу поэта, даже если это противоречит логике и здравому смыслу.

Я бы не стал опровергать этот миф, если бы его создатели и приверженцы в стремлении любым способом обелить Лермонтова не принялись яро очернять других людей — императора Николая I, графа Бенкендорфа, Николая Мартынова и многих других. Согласно мифу императору приписывают стремление погубить «неудобного поэта». На самом же деле, Николай I оба раза назначал Лермонтову весьма мягкие наказания. Первая ссылка вообще обернулась для Мишеля приятным туристическим турне по Кавказу и закончилась досрочно. Причём, Лермонтов вернулся на прежнее место службы в элитный полк, стоявший в Царском селе. Миф утверждает, что во время второй ссылки император приказал направить Лермонтова под пули горцев. Перечтём эти строки из письма графа Клейнмихеля генералу Граббе ещё раз:

«При сём его величество, заметив, что поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблён в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою, повелеть соизволил сообщить вам, милостивый государь, о подтверждении, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку».

Любому не предвзятому человеку совершенно же ясно, что император требует лишь одного: Лермонтов должен нести службу **«в своём полку»**, как и все прочие офицеры, а не там, где сам пожелает. А пуля горца с гораздо большей вероятностью может поразить Мишеля во время карательной операции в тылу врага, чем в расположении русских войск. Но слова императора вывернуты наизнанку. И уж если бы Николай I действительно хотел погубить «неудобного поэта», то вряд ли бы допустил издание его сочинений. История пьесы «Маскарад» тому лучшее свидетельство.

Рассмотрим теперь миф о преследовании Лермонтова жандармом Бенкендорфом. Да, в конце XIX века многое в России изменилось, в том числе и отношение к царю и жандармам. Времена декабристов–романтиков сменились эпохой революционного террора и политических убийств. Не было худшего оскорбления в среде либеральной

интеллигенции, чем причисление человека к жандармскому ведомству. Поэтому по мысли создателей мифа глава Корпуса жандармов Бенкендорф был просто обязан ненавидеть и преследовать бунтаря Лермонтова, как ранее преследовал Пушкина. Расхожий штамп «жандарм — душитель свободы» работает до сих пор. Вот только граф Бенкендорф в этот штамп не укладывается.

Генерал-адъютант, начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, шеф Корпуса жандармов, член Государственного Совета и Комитета министров Александр Христофорович Бенкендорф родился в 1783 году в семье прибалтийских немецких дворян, в Эстляндии (Эстонии). Военную службу он начал, не достигнув даже пятнадцати лет (1798 г.), поступив унтер-офицером в лейб-гвардии Семёновский полк.

Портрет А. Х. Бенкендорфа работы Джорджа Доу

В 1803 году Бенкендорф отправился в действовавший в Грузии отряд князя Цицианова, участвовал во взятии форштадта крепости Ганджи, а 1 января 1804 года — в сражении с лезгинами. За оказанную в этих делах храбрость, он был награждён орденами св. Анны и св. Владимира 4-й степени.

В войну с французами 1806–1807 годов А.Х. Бенкендорф участвовал в сражении под Прейсиш — Эйлау, за которое был награждён орденом св. Анны 2 степени и чином капитана, а через две недели произведён в полковники. По заключении Тильзитского мира он находился при посольстве графа Толстого в Париже.

В 1809 году Бенкендорф добровольно отправился охотником в армию, действовавшую против турок и, во всю кампанию находясь в авангарде, становился всегда во главе самых рискованных и трудных поручений. Особенным отличием, доставившим Бенкендорфу орден св. Георгия 4 степени, были его действия под Руцуком, где стремительною атакою чугуевских улан, он опрокинул угрожавший тылу нашего левого фланга значительный отряд турок.

В 1812 году А.Х. Бенкендорф командовал авангардом войск генерала Винценгероде и в первом сражении при Велиже (27 июля) за блистательную атаку против неприятеля был произведён в генерал-майоры. Вслед за тем, на него было возложено опасное поручение — открыть коммуникации главной армии с корпусом графа Витгенштейна. Располагая всего лишь восемью десятками казаков, Бенкендорф, проходя в тылу и между отрядами французских войск, захватил более пятисот пленных.

С началом отступления наших сил, А.Х. Бенкендорф принял начальство над арьергардом в отряде генерала Винценгероде, а от Звенигорода до Спасска командовал всем отрядом. Присоединив к своим силам два казачьих полка, он под Волоколамском напал на неприятельские партии, разбил их и взял в плен более восьми тысяч человек.

Став после освобождения Москвы комендантом столицы, он успел захватить в плен три тысячи французов и отбить тридцать орудий. Во время преследования Наполеоновской армии до Немана, находясь в отряде генерал-лейтенанта Кутузова, Бенкендорф взял в плен трёх французских генералов и более шести тысяч разных чинов.

В 1813 году А.Х. Бенкендорф возглавил отдельный летучий отряд.

Действуя между Берлином и Франкфуртом–на Одере, он разбил в Темпельберге сильную неприятельскую партию, за что получил орден св. Георгия 3 степени. Затем, действуя вместе с отрядами генералов Чернышёва и Тетенборна, Бенкендорф занял Берлин и, непрерывно сражаясь от Ютербока до Дрездена, взял в плен до шести тысяч французов. Занятие Люнебурга под начальством генерала Дёрнберга доставило Бенкендорфу орден св. Анны 1 степени.

В дальнейшем А.Х. Бенкендорф участвовал в сражении при Гросберене и три дня прикрывал корпус графа Воронцова против атак французов. За последний подвиг он был награждён золотой с бриллиантами шпагой. В битве под Лейпцигом, Бенкендорф командовал левым крылом корпуса Винценгорде, после чего с отдельным отрядом был отправлен в Голландию. Здесь, в самый короткий срок, Бенкендорф успел очистить от неприятеля Утрехт и Амстердам, заставил сдаться крепости Гавель, Мюнден и Гельдерскую батарею и занял Роттердам, Дортрехт, Госувот, крепости Гертрюденберг, Бреду, Вильгельмштадт, взяв более ста орудий и много пленных.

Вслед за тем А.Х. Бенкендорф устремился в Бельгию и с боя занял города Лювен и Мехельн и в Дюссельдорфе снова присоединился к Винценгорде. Эти подвиги доставили ему ордена: св. Владимира 2 степени, большой крест Шведского Меча и прусский «Pour le mérite», от нидерландского короля — шпагу с надписью «Амстердам и Бреда», а от великобританского регента — золотую саблю с надписью «за подвиги 1813 г.».

В 1814 году А.Х. Бенкендорф участвовал в сражении под Краоном, где командовал всею кавалериею корпуса графа Воронцова, и затем в битвах под Лаоном и Сен — Дизье, после чего начальствовал арьергардом корпуса при движении его до Шалона. Награждённый бриллиантовыми знаками ордена св. Анны 1 степени, Бенкендорф возвратился в Россию и здесь 9 апреля 1816 г. был назначен начальником 2 драгунской дивизии, а в 1819 году — начальником штаба гвардейского корпуса. 22 июля того же года он был пожалован званием генерал-адъютанта, 20 сентября 1821 г. произведен в генерал-лейтенанты и 1 декабря назначен начальником 1-й кирасирской дивизии.

Новый император, Николай I, 25 июля 1826 года назначил А.Х. Бенкендорфа на должность шефа жандармов, командующего Императорскою Главною Квартирою и главного начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, а 6 декабря пожаловал в звание сенатора.

Франц Крюгер — Портрет А. Х. Бенкендорфа в мундире Лейб Гвардейского Жандармского полуэскадрона

В 1828 году А.Х. Бенкендорф сопровождал Государя в турецком походе и находился при осаде Браилова, при переправе через Дунай, в сражении близ Сатунова, при покорении Исакчи, в сражении при Шумле, где командовал двумя каре, составлявшими прикрытие Особы Государя и затем при осаде и взятии крепости Варны. Был награждён орденом св. Владимира 1 степени. По окончании кампании, Бенкендорф 21 апреля 1829 года был произведён в генералы от кавалерии, а 8 февраля назначен членом Государственного Совета.

10 ноября 1832 года А.Х. Бенкендорф был возведён в графское Российской Империи достоинство, а 22 апреля 1834 года пожалован

орденом св. Андрея Первозванного.

Как видите, граф Александр Христофорович Бенкендорф не был обычным жандармом. Боевой офицер, храбрец. Что такое по сравнению с его подвигами карательные налёты «лермонтовского отряда» на аулы чеченцев? Разумеется, столь образцовый офицер, так же, как и сам Николай I, не мог бесконечно смотреть сквозь пальцы на явную недисциплинированность и манкирование служебными обязанностями поручика Лермонтова. И уж конечно А.Х. Бенкендорф не мог, как прежде, покрывать безобразное поведение Мишеля в конфликте с де Барантами. Неосторожный стишок, написанный в запальчивости, это — одно. Даже туризм вместо отбывания ссылки можно замять, не дать Государю основание для отказа в помиловании. Но вот явную подлость и неблагодарность Бенкендорф прощать не стал, иначе сам превратился бы в соучастника. И всё же главный жандарм России никогда не преследовал Лермонтова, не опустился до мести. Своей главной задачей на высших административных постах государства он считал **«утверждение благосостояния и спокойствия всех в России сословий и восстановление правосудия»**.

Александр Христофорович Бенкендорф скончался в 1844 году на 61-м году жизни. Император Николай I сказал у постели умирающего графа: **«В течение одиннадцати лет он ни с кем меня не поссорил, а примирил со многими»**.

Очевидно, что в эти «многие» входил до определённого момента и Михаил Лермонтов. В письме И. Ф. Паскевичу 18 сентября 1844 года Николай I писал:

«Тяжёлый сей год лишил меня на днях моего верного Бенкендорфа, которого службу и дружбу 19 лет безотлучно при мне не забуду и не заменю; все об нём жалеют».

Одну из следующих основных составляющих мифа — трусость и зависть Николая Мартынова — я разбирать не буду. Всё достаточно подробно сказано мною по данному поводу ранее.

Ну, и наконец, самая главная составляющая мифа: Лермонтов — великий поэт ещё при жизни, второй Пушкин. История с первым отдельным изданием романа «Герой нашего времени» наглядно показала степень известности Михаила Лермонтова в качестве литератора. Никто его имени не знал, даже один из ведущих издателей и

журналистов того времени — Фаддей Булгарин! Да и с чего имя Лермонтова было бы известно читателям России? Порнографические вирши и стихотворение «Смерть поэта» ходили в немногих рукописных списках, были известны весьма в узких петербургских кругах и давали автору лишь скандальную славу, а не литературную. Сотни стихов и десятки поэм тоже пока нигде не изданы, существуют только в немногих рукописных копиях, находящихся у родственников и знакомых поэта. Да, мощный блат, как сейчас бы сказали, продвинул некоторые стихи Лермонтова на самый верх. Известно, что Мишель специально для императрицы переделал поэму «Демон», убрал из неё всё, что могло той не понравиться. Так, наверно, и создавалось при Дворе мнение, что Лермонтов мог бы в дальнейшем заменить России погибшего Пушкина. Однако, даже при столь высокой поддержке «Демон» нигде при жизни автора опубликован не был!

Что же остаётся? Вот полная библиография произведений Лермонтова, изданных при его жизни в журналах:

- «Хаджи — Абрек» («Библиотека для Чтения», 1835, том IX);
- «Бородино» («Современник», 1837, т. VI);
- «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» («Литературные Прибавления» к «Русскому Инвалиду», 1838, № 18; с подписью — в);
- «Дума» («Отечественные записки», 1839, т. I);
- «Бэла» («Отечественные записки», т. II);
- «Ветка Палестины» («Отечественные записки», т. III);
- «Три Пальмы» («Отечественные записки», т. IV);
- «Фаталист» («Отечественные записки», т. VI);
- «Дары Терека» («Отечественные записки», т. VII);
- «Тамань» («Отечественные записки», 1840, т. VIII);
- «Воздушный корабль» («Отечественные записки», т. X);
- «Ангел» («Одесский Альманах», 1840);
- «Последнее новоселье» («Отечественные записки», 1841, т. XVI);
- «Парус» («Отечественные записки», т. XVIII);
- «Спор» («Москвитянин», 1841, ч. 3).

Итого десять стихотворений, две поэмы, одна из которых подписана псевдонимом, и три повести о Печорине. Причём, львиная доля публикаций приходится на «Отечественные записки», то есть —

прочитать их могли только подписчики этого журнала.

Вот и всё, что было издано при жизни Лермонтова в периодике.

Кроме того, отдельными изданиями вышли роман «Герой нашего времени» (СПб., 1840; здесь же впервые (!) «Максим Максимыч» и «Княжна Мери»), и сборник «Стихотворения» (СПб., 1840), включавший в себя 26 стихотворений и две поэмы — «Мцыри» и «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Как мы знаем, для реализации романа потребовалась мощная рекламная кампания, проведённая Белинским в «Отечественных записках» и Булгариным в «Северной пчеле». Сборник стихов вышел тиражом в 1000 экземпляров, который тоже надо было ещё распродать. Так что, всероссийской славе заместителя Пушкина у Мишеля просто неоткуда было взяться! Публикации всего остального и собрания сочинений будут потом, после смерти Лермонтова. И, соответственно, литературная слава, появится только потом. А при жизни у Мишеля была «слава» совершенно иного толка, о которой предпочли молчать его родственники и друзья, не пожелав отвечать на вопросы биографов.

Император попросил графа А. Х. Бенкендорфа лично опекать Александра Пушкина, оберегать того от неприятностей. С самого поэта Николай I взял слово, что тот ни под каким предлогом не будет участвовать в дуэлях. Пушкин своего слова, к сожалению, не сдержал. Тем ни менее, император после смерти поэта оплатил все его весьма немалые долги и поддержал осиротевшую семью. Узнав же о смерти Михаила Лермонтова, как пишет в своих воспоминаниях П. П. Вяземский, цитируя слова флигель-адъютанта полковника Лужина, Николай I сказал: «**Собаке — собачья смерть**». И никаких сожалений о потере поэта, который мог бы заменить собою Пушкина. Потому что на тот момент, не было такого поэта, его создадут позднее. Лучше всего данный факт иллюстрирует следующее: когда Михаил Лермонтов был провозглашён классиком русской литературы, на месте предполагаемой дуэли у подножия горы Машук возле Пятигорска в 1915 году был установлен обелиск, созданный скульптором Микешиным. Но советскими учёными было установлено, что на самом деле дуэль была в другом месте — у Перкальской скалы. Как могла возникнуть такая путаница? Ведь на место дуэли во время следствия выезжали судебские чины, проверяли, обмеряли, опрашивали участников, где кто стоял, и

т. д. Если Михаил Лермонтов в то время действительно был так знаменит и известен в качестве поэта, как утверждают литературоведы, почему же почитатели его творчества никак не отметили место гибели своего кумира? Точно также никто теперь не знает, где находится место его первого захоронения: надгробный камень просто закопали в опустевшей могиле! Вот такая вот слава и почёт...

Оскара Уайльда современники смешали с грязью за пристрастие к двадцатилетним юношам и посадили в тюрьму, выйдя из которой тот так и не смог оправиться, покинул Англию и вскоре умер во Франции в нищете и позоре. Но никто никогда не посягал на его литературную славу. Литературоведы не пытаются скрыть пороки и личные недостатки зарубежных писателей, но вот образ Михаила Лермонтова представляет из себя набор явных мифов. Неужели биографы считали, что правда о поэте негативно повлияет на восприятие его произведений? Но ведь, посадив Уайльда в тюрьму, англичане не сожгли его книги на кострах. Они до сих пор переиздаются, в театрах идут пьесы, снимаются фильмы. Оскар Уайльд остаётся классиком не только английской, но и мировой литературы.

Да что там Уайльд! У нас, в России, есть и свои примеры: Льва Толстого отлучали от церкви, Фёдор Достоевский побывал на каторге. В конце концов, отправив Лермонтова в ссылку, император не запретил издания его произведений, хоть и был о романе «Герой нашего времени» весьма нелестного для автора мнения. Зачем же биографы и литературоведы до сих пор усердно стараются «отмыть добела чёрного кобеля», неизбежно при этом очерняя невинных людей — того же императора Николая I, Александра Бенкендорфа, Николая Мартынова, Эрнеста де Баранта и многих других? «Пепел Клааса стучит в моё сердце».

Заключение

К сожалению, гений и злодейство вполне совместимы. Первым можно восхищаться, второе нельзя прощать, потому что ненаказанное зло развращает и, как правило, в дальнейшем порождает ещё большее зло. Во цвете лет и таланта погиб Александр Пушкин, адекватные наказания за проступки которого император заменил укоризненными письмами Бенкендорфа. Вместе с Пушкиным Россия лишилась и Дантеса, человека, несомненно, талантливого, сделавшего впоследствии на родине блестящую карьеру и закончившего жизнь сенатором Франции. Практически на взлёте погиб Лермонтов, утянув за собой в могилу и талант Мартынова. А ведь Мартынов был единственным признанным соперником Лермонтова в поэзии! Что если в его лице погублен ещё один поэт, который мог бы заменить России если не Пушкина, то хотя бы Лермонтова? Лев Толстой как-то сказал: ***«Если бы этот мальчик остался жив, не нужны были бы ни я, ни Достоевский».***

Конечно, Толстой преувеличивал. И он сам, и Достоевский, может быть, что-то и почерпнули у Лермонтова, но при этом являются полностью самобытными фигурами в русской литературе, вершинами. «Герой нашего времени» принято называть новаторским романом, но, на мой взгляд, это просто сборник вполне самостоятельных повестей, объединяет которые лишь общий персонаж — Печорин. Ведь по такому принципу и сборник рассказов о Шерлоке Холмсе, например, можно было бы назвать романом, чего никому не приходит в голову. Замени Лермонтов имя Печорина в разных повестях на какое-нибудь другое — Волгин, Амурский, Ангарский или Днепров — для читателя практически ничего не изменится. О романах Льва Толстого и Фёдора Достоевского подобное сказать невозможно.

Трактовать слова Толстого не очень-то корректно, но для меня смысл их ясен: у Лермонтова был настолько огромный потенциал, что останься он жив, русская литература обогатилась бы произведениями, не уступающими по значению, а может и превосходящими достижения Толстого и Достоевского. Что ни в коей мере не делает лишними последних. У каждого — своя ниша и своя слава.

Между прочим, Лермонтов был ещё и талантливым художником. Писать стихи он начал только в четырнадцать, а вот рисовать — в раннем детстве. Пол его комнаты в Тарханах был покрыт зелёным сукном, на котором маленький Мишель, не умеющий ещё даже ходить, с огромным удовольствием рисовал мелом. Именно так, с мелком в руке, изображён Лермонтов-ребёнок на картине неизвестного художника.

Во время учёбы в Московском университетском благородном пансионе преподавателем рисования у Мишеля был художник-акварелист Александр Степанович Солоницкий. В Петербурге учителем Лермонтова стал Пётр Ефимович Заболотский, художник, друг О. А. Кипренского и Б. И. Орловского, автор широко известного портрета Михаила Лермонтова в мундире лейб-гвардии Гусарского полка. Так что Мишель учился живописи гораздо серьёзнее, чем стихосложению и оставил после себя богатое наследие, хоть до нашего времени дошло далеко не всё: тринадцать картин маслом, сорок четыре акварели, более четырёхсот рисунков и четыре оттиска с литографского камня с кавказскими сюжетами. Князь Г. Г. Гагарин, ставший впоследствии вице-президентом Академии Художеств, выполнил несколько акварелей по рисункам Лермонтова. Мишель владел разнообразной техникой: масло, акварель, графика. Работал в разных жанрах: портрет, пейзаж, батальные и жанровые сцены, иллюстрации. Но роковую роль в судьбе Лермонтова сыграла карикатура. Н. А. Огарёва — Тучкова

вспоминала:

«Бабушка Лермонтова просила внука не писать более стихов, живя в постоянных опасениях за него. Внук... стал рисовать карикатуры, которые были так похожи и удачны, что наделали много шума в высшем петербургском обществе...»

Карикатура на Николая Мартынова, как известно, явилась последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Лермонтов раздаривал свои картины и рисунки друзьям и знакомым точно так же, как и рукописи стихотворений и поэм. Многие ныне утрачено или находится за границей. Кто знает, найдись среди любителей живописи свой «Висковатый», возможно, мы сейчас имели бы и миф о Лермонтове — великом художнике. Впрочем, Мишель вполне заслужил такую славу. Он был одарён многими талантами и мог бы в ещё больших масштабах обогатить и прославить русскую культуру. Если бы не поддался своему Демону...

То, что я сейчас знаю о Лермонтове, ничуть не повлияло на моё отношение к его произведениям: картинам, стихам, прозе. Не хвалю их только потому, что до меня это не раз сделали другие, и повторять общеизвестное ни к чему. Я по-прежнему с удовольствием смотрю старый, ещё чёрно-белый фильм, снятый по пьесе «Маскарад» в далёком 1941 году. С не меньшим интересом пересматриваю различные экранизации «Героя нашего времени». Конечно, меня теперь коробит от усилий актёров изображать ничтожность и трусость Грушницкого, но тут уж ничего не поделаешь — автор так захотел, чтобы оправдать подлость Печорина. А вот фильмы и передачи о самом Михаиле Лермонтове я смотреть больше не могу — раздражает официальный миф. У меня теперь есть свой Лермонтов, не икона и не мученик. Он мой — у вас вполне может быть свой.

Коломна, 2014–15 гг.

Библиография

- Бондаренко В. Г. Лермонтов. Мистический гений. — М., 2013
- Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. — М., 1988
- Лин фон Паль. Проклятие Лермонтова. — М., 2014
- М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1989
- Олейников Д. И. Бенкендорф. М., 2009
- Сахаров А. А. Путь к Лермонтову. Исследования, версии, находки... — Коломна, 2014
- Щеголев П. Е. Лермонтов: Воспоминания. Письма. Дневники... — М., 1999
- Эротикон: Русская эротическая поэзия и проза. — М., 1999